

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

10 (228) •
август 2017

«РОССИИ НЕ ХВАТИЛО
КАКИХ-ТО
ПЯТИ-ДЕСЯТИ ЛЕТ»
стр. 8

О ГРАНИЦАХ
ВЕРНОСТИ
стр. 10

АВГУСТ 1917:
ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ
стр. 26

ТЕМА

**ПОМЕСТНЫЙ
СОБОР**
стр. 14

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU 12+

Содержание

АВГУСТ 2017

~ события

«Дай нам быть верными во всём и непрестанно служить Тебе и Отечеству нашему!» | 3

«Мы ждали этого события 28 лет» | 13

~ 1917–2017

Последние защитники Кремля | 6

«России не хватило каких-то пяти–десяти лет» | 8

О границах верности | 10

~ тема номера

Открытие Поместного собора | 14

«Мы ждём от святого Собора призыва ко всенародному покаянию» | 20

~ Церковь и общество

Спускайся в расстрельный ров | 22

~ церковь и культура

Взгляд с Ваганьковского холма | 24

~ 1917–2017

Август 1917: последний рубеж | 26

«Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час её кончины» | 32

Издание Преображенского содружества малых православных братств

gazetakifa.ru

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор: А.В. Колымагина
Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции: gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве **Роспечать – 19601**
Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение»
Газета издается с октября 2002 г. Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne-Sainte-Genevieve
Телефоны распространителей
Москва: +7-910-421-64-60 (Анна Гринман), +7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург: +7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарева)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: +1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 7 августа 2017 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00. Дата выхода в свет 16 августа 2017 г.

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

Центральный материал этого номера посвящён открытию Всероссийского Поместного собора 1917–1918 годов. Мы не могли не напечатать вслед за статьей фрагменты одного из первых Деяний собора – некоторые из приветствий, прозвучавших в первый день заседаний. Когда читаешь эти искренние, полные глубокой веры, покаяния и надежды слова, не можешь не спросить себя: «Как могло случиться

так, что слова эти не были услышаны? Почему Господь не спас Россию?» Этот вопрос звучит особенно трагически в контексте другого события августа – последней утраченной возможности свернуть с пути к октябрьской катастрофе: корниловского выступления.

Я не думаю, что мы сумеем предложить на наших страницах простой ответ. Но мы можем продолжать рассказывать о тех, кто его ищет с верой и надеждой. **КФ**

Александра Колымагина

Н О В О С Т Ъ Н О М Е Р А

О патриаршестве и трагических событиях осени 1917 года

Вышел в свет 6-й том научного издания документов Поместного собора

Сайт Патриархия.ру

В него вошли деяния Собора с тридцать седьмого по шестьдесят пятое, то есть за вторую половину первой сессии Собора. За это время (ноябрь – начало декабря 1917 г.) в рамках соборных заседаний состоялась интронизация Патриарха Тихона, обсуждены вопросы церковно-государственных отношений и революционных изменений в российском обществе, разобраны и приняты соборные постановления по вопросам высшего церковного и епархиального управлений, проповедничества, о правовом положении духовенства, произведены выборы членов Священного Синода и Высшего Церковного Совета.

Деяния Собора – это отредактированные и в некоторых случаях сокращённые, но близкие к стенографическим записи хода пленарных заседаний. В них подробно фиксировался весь

ход работы общих собраний и выступления членов Собора на них. Шестой том завершает публикацию деяний первой сессии Собора.

В отличие от уже изданных протоколов общего собрания в деяниях Собора содержатся не только основной ход дискуссии и принятые решения, но и тексты речей ораторов, реплики, ход голосований по принятию того или иного решения, а также полные тексты оглашавшихся на Соборе приветствий и телеграмм от различных учреждений и частных лиц, постановления Соборного Совета, воззвания и послания Собора, доклады Отделов, сообщения соборян о контактах с властными органами.

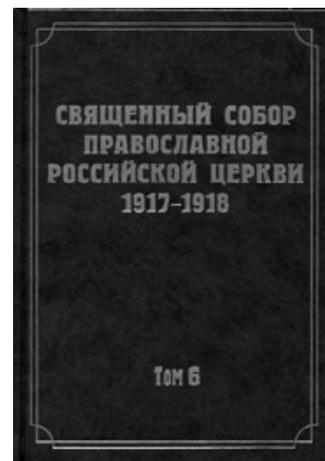
Ответственными редакторами и авторами вступительной статьи стали доктор церковной истории, секретарь Учёного совета Казанской духовной семинарии священник Алексей Колче-

рин и научный руководитель проекта по изданию соборных документов кандидат исторических наук, доцент А.И. Мраморнов. Комментарии составлены при участии историка, члена совещания ответственных редакторов томов с соборными документами Р.Ю. Просветова.

Рецензентом тома выступил кандидат исторических наук П.Г. Рогозный (г. Санкт-Петербург). Внутреннее рецензирование тома осуществлено членом Научно-редакционного совета Новоспасского монастыря, заместителем председателя Отдела внешних церковных связей протоиереем Николаем Балашовым.

Монастырь принимает подписку на издание и отдельные его тома на сайте psmbooks.ru. **КФ**

Обсуждение этого и других томов издания в сообществе «Про Собор 1917»: <https://vk.com/prosobor1917>.

Официальный сайт издания: <http://sobor1917.ru>.

Публикация соборных документов осуществляется по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и приурочена к 100-летию юбилею Священного Собора, который будет отмечаться в 2017–2018 гг. Всего запланирован выход 36 томов издания (к 2020 г.), из которых в стадии активной подготовки в настоящий момент находятся 24, а 7 изданы.

«Дай нам быть верными во всём и непрестанно служить Тебе и Отечеству нашему!»

2 июля в Твери прошёл межрегиональный фестиваль «1917/2017. Города России – памяти павших за Веру и Отечество»

Текст: Анастасия Наконечная
Фото: Александр Волков

2 июля в городском саду Твери проходил необычный концерт. Сегодня так развита индустрия развлечений, что серьёзность, а тем более трагичность темы кажется уже чем-то особенным. И тем не менее реакция жителей Твери на межрегиональный фестиваль «1917/2017. Города России – памяти павших за Веру и Отечество» показала, что современный человек не всегда боится трудных вопросов.

На уличной сцене вспоминали жителей разных городов, начиная с губернатора Твери Николая Бюнтинга, разтерзанного революционной толпой в 1917 году, и заканчивая миссионером и проповедником протоиереем Иоанном Восторговым, инициатором создания Братства Воскресения Христова в Москве, организатором народно-миссионерских и катехизаторских курсов по подготовке священников и учителей. Участник Всероссийского Поместного собора, отец Иоанн встретил 1917 год словами: «Не бойся, только веруй!»...

Наше дело – бороться со злом, в окрылении веры и любви...» Он выступал за полное невмешательство церкви в политический строй страны; призывал христиан объединяться в «дружины» (кружки, братства) для защиты церкви. Протоиерей Иоанн Восторгов был расстрелян 5 сентября 1918 года.

Во время фестиваля вспоминали жителей разных городов, сохранивших свою веру и верность Отечеству. Звучали краткие рассказы о том, как погибали первые жертвы 1917 года в Петербурге, Москве, Екатеринбурге, Рязани, Гельсингфорсе, Царском Селе, Шенкурске...

В воскресный день, начавшийся дождём и продолжившийся неожиданно

вышедшим во время концерта солнцем, в городском саду прогуливалось множество людей – стайки молодёжи, семьи с детьми, пожилые семейные пары... От находившегося неподалеку кинотеатра едва доносились звуки поп-музыки. Подходя к концертному залу городского сада, люди слышали совсем иные звуки – стихи Анны Ахматовой, матери Марии (Скобцовой), Максимилиана Волошина, музыку Рахманинова, Шопена, песню на стихи Александра Величанского «Когда убили миллион...», гимн Российской империи начала XIX века («Коль славен наш Господь в Сионе»), песнопение «Кто нас отлучит от любви Христовой» в русском переводе в исполнении

На стендах – свидетельства тех, кто пережил события 1917 года

хора Свято-Филаретовского института...

Люди подходили ближе, слушали, читали развешанные рядом стенды, посвящённые 1917 году, и не спешили уходить. В наше время человек редко меняет свои планы, даже гуляя в городском саду. Но тут происходило именно это.

Я спрашивала прохожих об их отношении к 1917 году – считают ли они Октябрь началом Русской Катастрофы. Ответы были разные. Видно было, что люди находятся под впечатлением увиденного и услышанного только что. Особенно запомнилась одна женщина, она гуляла вместе со своей десятилетней дочкой:

Мы можем быть много чем недовольны, но революция – разве можно от неё ждать чего-то хорошего? Ведь это убийство многих людей. Вот у нас замечательная семья – папа, дочка, я. Что бы мы делали, окажись сто лет назад там, в этой революции, что бы с нами было?

Находились и те, кто точно знал ответы на все вопросы. Например, один мужчина заявил, что во всём виноваты евреи, а кто-то говорил о том, что не было тогда иного выхода.

Одна женщина постарше, она гуляла с взрослым сыном, сказала:

Так не хочется об этом вспоминать. Это так больно. Как бы хоте-

лось, чтобы этого в нашей стране не было...

Но это было. И те шестьсот человек, которые участвовали в концерте, а это были не только жители Твери, но и гости тех городов, о которых вспоминали во время концерта, не просто пели и читали стихи.

Это был концерт-покаяние, участники которого очень хотели бы, чтобы последствия Русской Катастрофы наконец прекратились. Чтобы антропологическая катастрофа, к которой привели многочисленные преступления советской власти по «выведению нового генетического типа», каким-то чудом была преодолена.

Из выступления протоиерея Романа Манилова, председателя Отдела культуры Тверской епархии

Человек должен увидеть в своей душе сопричастность этому прошлому, сопричастность своей Родине, своей стране. Это будет самое лучшее обращение к уму и сердцу, чтобы осмыслить то, что произошло в 1917 году

Столетие 1917 года – очень трагическая дата, но она даёт повод к большому осмыслению. Как только был созван Поместный собор 1917 года, одним из его публичных общественных актов стал призыв одуматься, вразумиться и покаяться всем сторонам. Удивительные слова были в этом послании. Ведь что такое вразумиться? Это обратить-

ся к разуму, ибо разумный человек, действующий не эмоциями, способен вразумиться и покаяться. Невозможно стяжать благодать Божию, невозможно впустить «внутри нас» Царство Божие, не очистив душу свою покаянием. И призывы принести часть своего покаяния за наше прошлое – они не беспочвенны.

Каждый человек может задать себе такой вопрос:

«А как мне каяться за уроки революции, как мне каяться за последствия революции?» Вы, наверное, часто слышите такие слова: «Мы наследники великой победы». Когда вспоминают какие-то героические события – войну 1812 года, Великую Отечественную войну, походы Суворова, мы говорим: «Это наши деды, это наши прадеды, мы гордимся, мы их наследники». Но мы всегда забываем, что мы наследники и тех людей, которые разрушали дух общества, совершали революции, участвовали в массовых казнях, в разрушении церквей. Мы с вами можем каяться не только за те грехи, которые совершаем, к сожалению, каждый день. Мы должны увидеть сопричастность нашему прошлому, нашим дедам и прадедам. Это не какие-то изверги, не какие-то инопланетяне, это не пришельцы из других стран взрывали храмы, убивали

священников, интеллигенцию, делали все эти страшные дела. Это наши с вами прадеды. В роду каждого из нас, в роду наших предков были и красные, и белые. Были и те, кто расстреливал, и те, кто погибал. И человек должен увидеть в своей душе сопричастность тому прошлому, сопричастность своей Родине, своей стране. Это будет самое лучшее обращение к уму и сердцу, чтобы осмыслить то, что произошло в 1917 году, и чтобы больше этого на нашей земле не произошло.

Я хочу выразить признательность всем участникам этого события и пожелать каждому осмысления, разумности и силы увидеть сопричастность своей души тому прошлому и отчасти принести покаяние за то, что совершилось в 1917 году.

Поэтому когда в завершение концерта ректор Свято-Филаретовского института священник Георгий Кочетков произнёс слова покаянной молитвы, встал весь зал. Вот эти слова:

«Мы покрыты стыдом и позором из-за множества неправд и преступлений, убийств и прелюбодеяний, предательств и доносов, злобы и зависти, лжи и ненависти. Вся земля бывшей Российской империи и весь народ наш до сих пор осквернены! И хотя оставался живой остаток верных, мы все каемся и просим простить нас, восставить и снова собрать.»

Мы разбиты и рассеяны по лицу всей земли, наши таланты и дары бездействуют, церковь в параличе, почти при смерти. Так оживи и исцели нас, и собери нас в Свою семью-общину, и соделай нас Твоим вселенским Братством! Дай нам быть верными во всём и непрестанно служить Тебе и Отечеству нашему!

Пусть возродится в нашей стране, народе русском и в церкви дух и смысл общинно-братской жизни! Пусть каждый из нас посвятит свою жизнь вере Христовой и Отечеству!»

И солнце, сменившее моросивший весь день дождь, и синее небо,

вдруг появившиеся над нами, лишь укрепляли в нас надежду на то, что Господь силен сотворить невозможное и даровать исцеление нашему многострадальному народу.

Выступление Дмитрия Гасака, председателя Преображенского братства

Сегодня в слове отца Романа прозвучала тема покаяния. И действительно – этот год, год столетия страшных событий, которые происходили повсюду на нашей земле, во всех её городах, требует не только внимания, но и какого-то верного тона. Тон покаяния сегодня, возможно, самый верный, самый точный и пред лицом Неба, и пред лицом людей, и пред лицом собственной совести.

Мы вспоминаем сегодня тех людей, которые стали первыми жертвами революции. Их ещё можно перечислить, поимённо вспомнить, увидеть на фотографиях или в кадрах кинохроники. А затем настало такое время, когда всех погибших невозможно и перечислить. Для того, чтобы 30 октября, в День памяти жертв советских репрессий, помянуть хотя бы тех, чьи имена перечислены в Книгах Памяти

(а это только часть репрессированных), требуются многие годы.

Поэтому этот год для нашей страны, конечно, год не простой и не пустой. И не случайно наш духовный попечитель и всё наше братство выступили с инициативой Акции национального покаяния. Мы прекрасно понимаем, что многие считают наше время наименее подходящим для такого призыва. Но не нам определять времена и сроки: нельзя пропустить этот год столетия. Внимание многих людей в нашей стране обращено к событиям столетней давности в желании понять, что же тогда произошло и почему такой исторический перелом пережила именно наша страна, именно наш народ, а значит, и все мы, здесь присутствующие.

Конечно, не так легко понять, что такое национальное покаяние. Каким образом можно себе пред-

ставить покаяние народа? Совсем не случайно часто говорится о том, что покаяние происходит в храме на исповеди, а стало быть, имеет сугубо личный, интимный характер. Кто может с этим поспорить? Но какая душа в одиночку может вместить всё то, что произошло за эти 100 лет? Конечно, нельзя не думать о душах всех живущих. Но нельзя не думать и о душе народа, которая очевидно нуждается в возрождении. Мы подумали, что покаяние, это обращение к Богу и к людям, должно быть и личным, и общественным. Покаяние требует ещё и соборного действия, соборного сознания, того самого сознания, которое есть в нашей традиции, есть в русской культуре, в русской духовности. В конце концов, удивительная идея соборности – русская идея.

Мы надеемся, что и сегодняшней вечер, который

Тон покаяния сегодня, возможно, самый верный, самый точный и пред лицом Неба, и пред лицом людей, и пред лицом собственной совести

проходит в рамках Акции национального покаяния, послужит тому, чтобы наше сознание повернулось в эту сторону и, отбросив всё то, что этому мешает, разного рода «шумы», внешние и внутренние, всё-таки исполнит нас искренности и высокой простоты и поможет обрести ту силу, благодаря которой и может эта просьба, это прошение о прощении прозвучать. **КФ**

Последние защитники Кремля

Трагической судьбе юнкеров было посвящено одно из воспоминаний, прозвучавших на концерте «1917/2017. Города России – памяти павших за Веру и Отечество»

Текст: Маргарита Шилкина

Центром сопротивления большевистскому перевороту в Москве стало одно из старейших военных училищ – Александровское. 27 октября в Актовом зале училища состоялось собрание юнкеров и тех немногочисленных офицеров Московского гарнизона, которые решили дать отпор большевистскому перевороту. Здесь же начались выдача оружия и формирование первых отрядов добровольцев. Их впервые назвали Белой гвардией – в противовес Красной гвардии большевиков.

Всего против большевиков в Москве выступило несколько тысяч юнкеров (в некоторых источниках называется общее число в 7 000¹). К ним присоединилось ещё около трёх тысяч человек: кадеты, студенты и курсистки, гимназисты старших классов, офицеры-преподаватели военных училищ, члены Союза Георгиевских кавалеров. Одним из руководителей восстания стал начальник 4-й Московской школы прапорщиков генерал-майор Леонид Андроникович Шашковский, расстрелянный большевиками через месяц вместе с сыном. В это время в Москве находились около 30 000 офицеров русской армии. Из них только 700 человек поддержали выступление юнкеров².

Вооружённые силы красных, состоявшие в основном из распропагандированных солдат запасных частей, составляли более 25 000 человек. 29 октября по личному распоряжению Ленина «на подмогу» московским большевикам прибыло ещё 12 000 хорошо вооружённых солдат, матросов и рабочих.

В первые же дни октябрьского переворота Кремль оказался в руках большевиков. 26 октября в нём разместились рота дезертиров 193-го пехотного полка, которые накануне перекололи штыками своих офицеров, отдыхавших в общестии, и солдаты 56-го запасного полка.

Вечером 27 октября на Красной площади произошёл первый бой между юнкерами и солдатами. На следующий день юнкера освободили Кремль. Бои шли уже во всех центральных кварталах Москвы. Большевики попытались вернуть Кремль, предприняв атаку на Спасские и Никольские ворота. Но этот штурм провалился.

30 октября Военно-революционный комитет большевиков приказал начать обстрел Кремля из тяжёлых орудий.

Юнкера. 1917 г.

Огонь был открыт с Воробьёвых гор, Вшивой горки³, Никольской улицы и из района Крымского моста. Он продолжался два дня и три ночи. С военной точки зрения расстрел Кремля был полной бессмыслицей. Тяжёлые повреждения получили древнейшие русские соборы, дворцы, монастыри, а также стены и башни крепости.

В 9 часов вечера 2 ноября юнкера получили предательский приказ командующего Московским военным округом полковника Рябцева «сложить оружие». Всем юнкерам гарантировалась «свобода и безопасность», а офицерам сохранение оружия. Но на следующее утро юнкера и офицеры, собравшиеся в здании Александровского военного училища, обнаружили, что они полностью окружены и находятся под прицелами пулемётов. Всех присутствующих разоружили, переписали и отпустили по домам, жестоко избив.

3 ноября в городе начались аресты и расстрелы «неблагонадёжных элементов». Это были офицеры, юнкера и кадеты Московских корпусов и военных училищ, оказавшие сопротивление новому режиму.

11 ноября 1917 года в храме Христа Спасителя была отслужена общая панихида «по всем убиенным в дни меж-

Похороны юнкеров. 1917 г.

доусобицы». А 13 ноября в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот отпевали тех, кто выступил за честь и свободу России: несколько десятков офицеров, юнкеров и студентов Московских вузов. Большинству убитых было 17–19 лет. До этого времени тела некоторых участников антибольшевистского сопротивления уже были захоронены на городских кладбищах и в монастырских некрополях.

Шествие к Всехсвятскому, панихида на Братском кладбище и похороны потрясли москвичей. Среди убитых горем очевидцев был Александр Вертинский, написавший об этом романс. «Но вы же не можете мне запретить их жалеть!» – говорил он, когда его забрали за него в ЧК.

Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недрожащей рукой,
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в вечный покой ...
Но никто не додумался просто стать на колени
И сказать этим мальчикам, что в бездарной стране
Даже светлые подвиги – это только ступени
В бесконечные пропасти к недоступной весне! **КФ**

Броневик и юнкера на Дворцовой площади. 1917 г.

3 ноября в городе начались аресты и расстрелы «неблагонадёжных элементов». Это были офицеры, юнкера и кадеты Московских корпусов и военных училищ, оказавшие сопротивление новому режиму

¹ В 1917 году в Александровском училище обучалось около двух тысяч юнкеров. В октябрьские дни к александровцам присоединились юнкера 2-й и 3-й школ прапорщиков. Вместе они заняли Манеж и ближайшие подступы к Кремлю. На другом конце города, в Лефортово, против большевиков восстали юнкера Алексеевского училища (за год до этого, в 1916 году, училище выпустило 3600 офицеров). Их поддержали кадеты старших классов 3-х кадетских корпусов, но прорваться в центр города через Яузу они не смогли.

² Вот как вспоминает прапорщик С.И. Мамонтов проходившую через несколько месяцев в здании бывшего Алексеевского училища регистрацию офицеров: «На необъятном поле была громадная толпа. Очередь в восемь рядов тянулась на версту. Люди теснились к воротам училища, как бараны на заклание. Спорили из-за мест. Говорили, что здесь было 56 тысяч офицеров, и, судя по тому, что я видел, это возможно. И сказать, что из этой громадной армии только 700 человек приняли участие в боях в октябре 1917-го...»

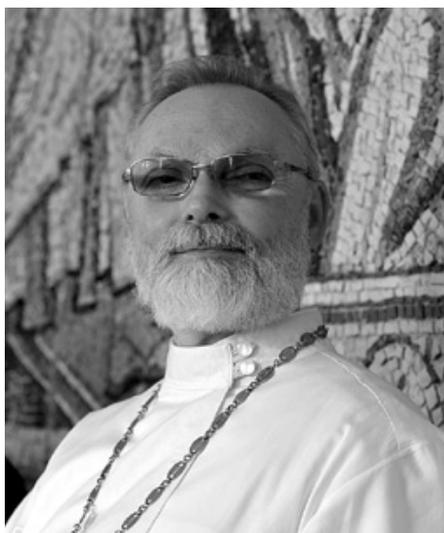
³ Вшивая горка – юго-западный склон московского Таганского холма в Заязье (современные улицы Верхняя Радищевская, Яузская и Гончарная).

⁴ А. Кокорев вспоминал: «К этому времени большая часть убитых “белогвардейцев” была похоронена родственниками. Заботу об оставшихся тридцати семи, среди которых были прапорщики и юнкера, студентки и курсистки, дети и просто неизвестные штатские, взял на себя Объединённый студенческий комитет. В своём обращении студенты подчеркивали, что церемония будет скромной, без венков, лент и тем более – флагов и лозунгов. Члены Всероссийского Собора дали свое согласие участвовать в похоронах. Ненастным утром 13 ноября площадь у Никитских ворот и прилегающие улицы были так заполнены народом, что само собой остановилось трамвайное движение. Под сводами храма мощно звучали хоры – Архангельский, Синодальный и студенческий. В 12 часов из дверей церкви один за другим стали выносить простые, украшенные лишь еловыми ветвями гробы. Толпа с большим трудом расступалась, и сквозь этот узкий человеческий коридор неспешно двинулись возглавлявшие процессию архиереи. За ними – хор певчих. Над людским морем зазвучали “Вечная память” и “Святой Боже”. Гробы с телами товарищей несли студенты и юнкера. Замыкали процессию студенческий хор и оркестр. Скорбный маршрут пролегал по Тверскому бульвару, затем по Тверской сквозь невиданное многолюдье. Многие плакали, особенно при виде пяти детских гробиков. Наконец шествие достигло Братского кладбища, где до этого москвичам приходилось хоронить лишь героев германской войны. Теперь же на ней зияла провалом братская могила войны гражданской...»

«России не хватило каких-то пяти–десяти лет»

Интервью со священником Георгием Кочетковым

Беседовала Анастасия Наконечная

Чего Вы ожидаете от концертов-размышлений, организованных Преображенским братством?

Прежде всего я ожидаю от них исцеления памяти. Ведь нужно не просто вспомнить что-то. Сама наша память очень искажена: у нас часто или неверные подходы, или просто нет никакого исторического подхода. А эти концерты ломают стереотипы: всё, что происходит на них, не вписывается ни в какие знакомые нам, предлагавшиеся нам в течение всей нашей жизни исторические теории. Поэтому такие совместные размышления и дают какую-то новую перспективу. Конечно, разные люди будут воспринимать их по-разному – кто-то более эмоционально, кто-то более информационно. Но лично для меня важно именно исцеление.

Если обратиться именно к тверскому концерту и вспомнить 1917 год, когда кто-то смог сохранить верность Отечеству, а кто-то нет, то возникает вопрос: где границы верности? Есть ли обстоятельства, которые позволяют эти границы переступить? Скажем, к октябрю многие считали, что невозможно быть верным Керенскому, Временному правительству, и это можно понять...

К сожалению, в то время тоже была инерция, были свои штампы, и люди были, как нам теперь становится ясно, совершенно не готовы их поменять, как-то расширить своё сознание. Для того, чтобы это было возможно, нужна большая вера. Но самая большая проблема начала XX века заключалась как раз в том, что у многих вера стала оскудевать, а вслед за ней и доверие. Люди перестали доверять, лишились и верности, ведь без веры она не может остаться крепкой. Для них всё стало относительно, как в постмодернистскую эпоху, наступившую уже ближе к нашему времени. И в этом была большая беда. Не теряли человеческого облика прежде всего те, кто сохранил веру и доверие и к Богу, и к себе, и к людям. Правда, они чаще всего первыми и становились жертвами. Именно таких людей мы сейчас вспоминали.

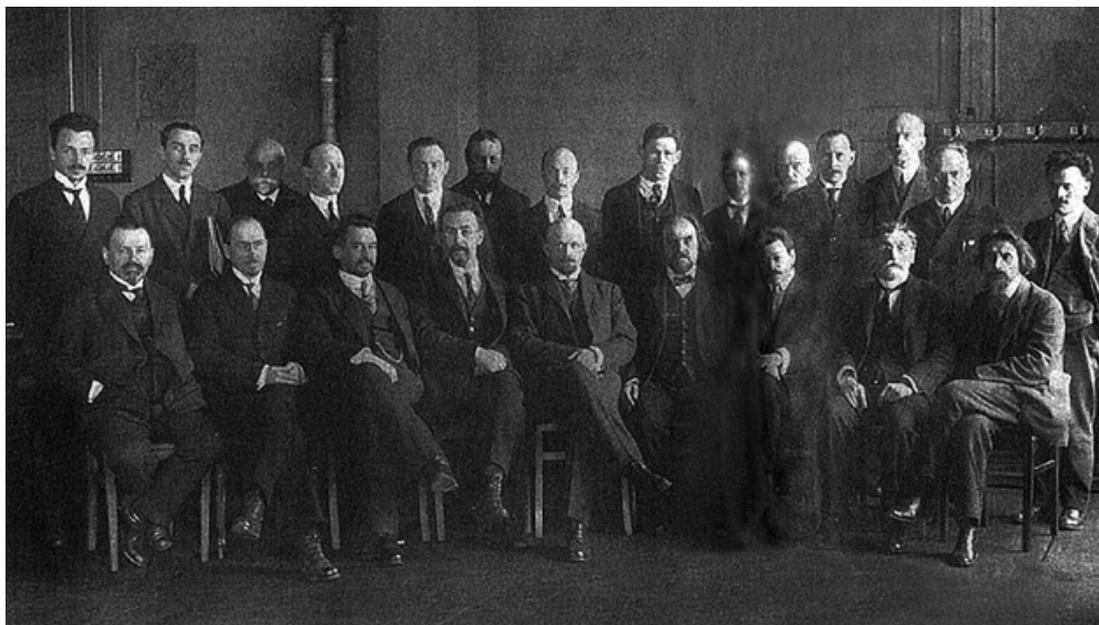
Сегодня шла речь о юнкерах. Удивительно, что часто именно эти молодые люди, почти подростки, которые, казалось бы, должны были бунтовать, как это обычно свойственно подросткам, оказывались верными.

А это очень знаменательно. Они были как раз тем живым поколением, которое нарождалось уже в другом духе – не в духе народничества, не в духе социализма и бунтарства, не в духе интернационала и претензий, озлобления против власти, против церкви, против Бога, против народа и страны, да и вообще против всего.

Они были новым началом, и если бы не произошли октябрьские события, стали бы основой дальнейшей нашей судьбы. Даже Черчилль, не самый большой наш друг, говорил: если бы в России в своё время не допустили к власти большевиков и победили их, было бы прекрасное будущее. Я думаю, очень стоит прислушаться к этому неглупому политическому деятелю. Это действительно так. Я думаю точно так же. Вот как раз эти юнкера и не успели накопить нужные силы. России не хватило каких-то пяти–десяти лет, чтобы стать другой, убрать те негативы, которые тянулись из века в век, из года в год, но уже давно «просились на выход», давно устарели, и все это понимали. В церкви усиливалось стремление к возрождению соборности, признанию ценности общинно-братского порядка устройства жизни; в кругах творческой, гуманитарной и технической интеллигенции зарождалась новая культура; нарождалась новая аристократия. Всё уже было наготове, не хватило лишь нескольких лет.

Если же рассматривать эти события с политической точки зрения, то

В церкви усиливалось стремление к возрождению соборности, признанию ценности общинно-братского порядка устройства жизни; в кругах творческой, гуманитарной и технической интеллигенции зарождалась новая культура; нарождалась новая аристократия. Всё уже было наготове, не хватило лишь нескольких лет.

Со старых фотографий на нас смотрят совсем другие лица, и невольно хочется представить, каким стало бы наше поколение, не случись Катастрофы...

На фотографии: Профессорско-преподавательский состав Русского научного института в Берлине. 1923 г.

Многие из этих людей только что были высланы из Советской России

не хватило буквально месяца до созыва Учредительного собрания*. И здесь, конечно, в чём-то виновато Временное правительство, которое затянуло его созыв. Всё время боялись кого-нибудь испугать, кого-нибудь спровоцировать. Они не чувствовали, что такое власть, не понимали, что может произойти, если они сорвутся. К сожалению, у этого правительства просто не хватило ответственности, не хватило укоренённости на нашей земле, в нашем народе. И неслучайно многие из тех, кто тогда начинал править, были уже далеки от церкви.

Отец Георгий, до ноября осталось два-три месяца. Как Вам кажется, Акция национального покаяния достигает каких-то результатов? Всё-таки она длится уже девять месяцев.

Я считаю, что по какому-то духовному счёту она уже состоялась. Это не значит, что все о ней знают, все в ней участвуют, не значит, что всё изменилось и невозможен возврат к прошлому. Таких результатов, конечно, нет, но мы прекрасно понимаем, что от всего лишь одной акции таких результатов ожидать нельзя. Такие результаты можно ожидать от самого покаяния, когда оно завершится, когда оно пройдёт через все сердца, а если и не пройдёт, то дойдёт до сердца каждого человека. Люди будут выбирать, они будут вынуждены примкнуть к какому-то берегу – или к одному, или к другому. Это и будет как раз самым важным результатом.

Но до этого ещё далеко. Наше дело сейчас – только сказать слово. Это слово должно быть доступно для всех интересующихся – пусть пока только для них. Пока что мы не можем претендовать на то, что это слово дойдёт до всех, в том числе и до тех, кто сейчас ничем подобным не интересуется или вообще считает, что делать что-либо бесполезно. Я имею в виду не только молодёжь, но все слои нашего общества. Но как бы то ни было, нужно начать: вначале должна быть завязь. И Акция национального покаяния должна быть такой завязью в церкви, в народе и в обществе.

Нам часто приходится сталкиваться с тем, что люди во время разговора соглашаются, что покаяние, конечно, нужно. Это звучит и в некоторых телепередачах...

Я думаю, что акция должна продолжаться, она не должна останавливаться. Коли Господь её благословил, коли уж пошло дело, то останавливаться нельзя.

То есть в ноябре она не закончится?

Я надеюсь, что она будет продолжаться хотя бы до февраля, до столетней годовщины призыва патриарха Тихона создавать новые неформаль-

ные союзы в церкви, прежде всего союзы мирян. Это и будет, я надеюсь, тем последним словом, которое надо сказать всем, чтобы люди об этом вспомнили. Потому что сейчас в связи с этим вопросом часто царит полная дремучесть: люди совсем не понимают, что в церкви нужны неформальные союзы.

На чтениях в Гатчине после моего доклада о братствах священники отвечали мне на вопрос, каким мог быть ответ церкви на революцию: «Она могла объединяться в союзы, в братства, в общины».

Ну, это вы с какими-то уж очень неординарными священниками беседовали. Я думаю, что далеко не все об этом могут вспомнить. И вот с этим тоже надо что-то делать. Надо вывести людей на центральную дорогу жизни. Это очень важно. Надо думать, что это тоже одна из целей нашей акции. КФ

* 14 июня 1917 года датой выборов в Учредительное собрание было объявлено 17 сентября, а созыв собрания назначен на 30 сентября. 9 августа Временное правительство перенесло эти даты и постановило назначить выборы на 12 ноября, а созыв Учредительного собрания – на 28 ноября 1917 года.

О границах верности

«Кифа» обратилась к священнослужителям и мирянам с одним и тем же вопросом:

«Когда мы обращаемся к 1917 году, то понимаем, что очень многие люди не смогли сохранить верность Отечеству. Но если мы говорим, скажем, об октябрьских событиях, то для кого-то в то время стоял понятный для нас вопрос: стоит ли сохранять верность Временному правительству, Керенскому, который сам проявил себя в каких-то ситуациях как человек неверный? История показывает, что те, кто не сохранил верность, оказались неправы. Случилась страшная катастрофа. И всё-таки вопрос о границах верности остаётся...»

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная

Протоиерей Роман Манилов, председатель Отдела культуры Тверской епархии:

Если говорить о послереволюционной ситуации, то ведь очень многие интеллигенты, в том числе и военные, были, к большому сожалению, во многом людьми хотя и воспитанными в православной традиции, но нецерковными, невоцерковленными и очень далёкими от глубокой веры, от понимания истинного христианского взгляда и на личную жизнь, и на жизнь общественную. Говоря о верности, мы можем вспомнить, как все апостолы разбежались, когда случился арест Спасителя нашего Иисуса Христа. Почему? Хотя мы и называем их и в этот момент их жизни апостолами, они ещё были просто учениками, благодать Святого Духа, который просветил их ум, разум, сердце, все чувства, на них ещё не снизошла. Поэтому они поступили малодушно. И Господь, конечно же, снизошёл до них, конечно, Он их всех простил. После Пятидесятницы, когда Дух Святой сошёл на апостолов, они стали теми кремнями веры, алмазами, которых

невозможно было ни утратить, ни запугать, ни убить. Никакими тюрьмами и пытками их нельзя было заставить свернуть с истинного пути. И у нас после революции те люди, которые нашли в себе этот стержень, нашли духовную опору, стали теми алмазами, которыми мы гордимся. Они составили костяк в том числе и Белой армии. Но у большинства, к сожалению, в этой ситуации просто не было точкой опоры. Отсюда шатания, суетные размышления. Кто-то пошёл красным служить, лишь бы выжить, кто-то увидел у большевиков какой-то плюс по сравнению с чем-то. Людей подлинной христианской веры, когда человек готов поставить веру во Христа и преданность Отечеству выше своей жизни, жизни своей семьи, было не очень много. Это, конечно, трагедия предреволюционного общества – отсутствие непоказной веры. Получалось, что ты крещёный, у тебя по Закону Божьему пятёрка стоит, ты всё вроде бы знаешь, какую икону поцеловать, какую свечку куда поставить – а подлинной, настоящей воцерковленности, к сожалению, не так много. Об этом писали очень многие. Например, митрополит Вениамин (Федченков) очень нелицеприятно писал и о Белой армии. Люди могли, выходя из церкви после праздничной службы, которую были формально обязаны отстоять, тут же начинать материться. Почти никто не жил церковной, христианской жизнью внутренне, всё это было внешним.

Митрополит Вениамин, глава военного духовенства Вооружённых сил Юга России (армии, во главе которой стоял генерал Врангель), писал, что у этой армии нет будущего, она не может победить, потому что у неё за плечами ничего нет – только избранные люди пытаются хранить веру. Это, наверное, самая большая проблема. Она и сейчас стоит. Как ходить в храм Божий, зачем ходить в храм Божий, с какими чувствами, что человек должен искать? Ещё во времена Ветхого Завета пророки – и Иезикииль, и Иеремия, а уж про Илью-пророка вообще не приходится говорить – стонали от безверия израильского народа, обличали его. Видимо, это извечная проблема человечества.

Отец Всеволод Шпиллер, который сражался в Белой армии ещё совсем молодым человеком, в 16–17 лет, впоследствии говорил, что мало было людей, которые сражались бы за главное, за высшие ценности, поэтому в нашей истории всё и закончилось так трагично. Но ведь и сегодня очень часто мы воюем за что-то внешнее, и действительно, как Вы говорили, воцерковляемся очень поверхностно. Получается, правила знаем, а дальше этого не идём. И сейчас ситуация ещё хуже, чем была 100 лет назад.

Для ответа на такой вопрос можно создать целую пастырскую конференцию, и она осветила бы с разных сторон разные аспекты этой проблемы. Самое же главное – то, что люди

Сто лет назад нам не хватило движения сострадания. Мать Мария (Скобцова) вспоминала об общей атмосфере индивидуализма, характерной для тех дней: люди в ситуации, когда вокруг всё разваливалось и воцарялся хаос, выбирали (и может быть, это можно понять) путь выживания.

на каком-то этапе церковной жизни останавливаются. Они внешне узнают какие-то вещи, которые дают человеку возможность ориентироваться в церковной жизни и в храме, но дальше не происходит самого главного – чтения святых отцов и исправления жизни в соответствии с Евангелием и с писаниями отцов. В Евангелии есть главная струя жизни, очень мощная, сильная, а святые отцы подробно рассказывают, как слова Спасителя в своей жизни воплощать. К сожалению, наш церковный народ святых отцов практически не читает, даже таких более или менее близких к нам по времени, как свтт. Феофан Затворник, Тихон Задонский, Игнатий Брянчанинов. Читают очень много житийной литературы про каких-то недавно живших старцев, творивших чудеса. Если нет целенаправленной работы священника с общиной и в воскресной школе, то святые отцы вообще не читаются. А без этого человек не может осознать глубину Священного писания.

Кто-то и Евангелие не читает. Мне недавно некоторые из прихожан говорили, что бояться этого: «вдруг мы что-нибудь не то вычитаем».

Ещё очень мало читают то, что осталось от новомучеников. А ведь это самые близкие к нам по времени святые, поэтому нам легче, может быть, брать с них пример.

С почитанием новомучеников тоже проблема, потому что тема эта очень тяжёлая. У многих даже есть отстранённость от неё, тяжело касаться этой темы – морально тяжело, надо переступить через что-то в себе. Это – труд.

А то, о чём они писали, это ступенька такая высокая, что на неё надо подняться, опираясь на опыт своей уже воцерковлённой жизни.

Алексей Наумов, президент Культурно-просветительского фонда «Преображение»: Мне кажется, очень хорошо сказал архимандрит Сергей (Савельев): одна из причин катастрофы, которая произошла, – отчуждение от Бога и от человека. И мать Мария (Скобцова) вспоминала об общей атмосфере индивидуализма, характерной для тех дней: люди в ситуации, когда вокруг всё разваливалось и воцарялся хаос, выбирали (и может быть, это можно понять) путь выживания. Это и в воздухе носилось – многие говорили друг другу: «ты подумай о себе».

Я думаю, что корень произошедшего, одна из ключевых проблем – именно в этом, во всём, что противоположно состраданию. Сегодня на литургии звучало чтение об исцелении слуги сотника, и в проповеди говорилось про цепь сострадания: сострадал сотник слуге, сострадал Христос, и от Него страдание переходило к тем, кто за Ним следовал. А нам сто лет назад не хватило этого движения сострадания. Наоборот, было замыкание на себя и своих, индивидуализм. И сейчас надо начинать с сострадания, нужно пробудить в себе это чувство и друг другу помогать выйти навстречу другому, разбудить в себе участие в другом, жертвенность. Если же каждый из нас будет замыкаться в своей скорлупе, всё может повториться.

Священник Павел Бибин:

Я считаю, что всякая верность, в том числе и верность Отечеству, должна быть основана на верности Христу и Церкви. Правда, поскольку земная церковь – это реальность, которая может так или иначе менять свои формы и акценты, то, может быть, не всегда легко определить, кто верен Церкви, а кто нет. Люди могут быть по разные стороны баррикад, и каждый может настаивать на своей верности Церкви. Мы знаем, что церковной истории известны святые, которые были друг с другом в сложных отношениях. Поэтому я уверен в том, что прежде всего нужно искать верности Богу, Христу. Это «выпрямитель», то, что выправляет любые изгибы в жизни, проясняет и вопросы, касающиеся земного Отечества, и вопросы, касающиеся церковной действительности или каких-то личных отношений. Если человек остаётся верным Богу и понимает, что это для него значит, многое может в жизни выправиться – то, что по-другому никогда не выправится.

Непосредственно в дни октябрьских событий в Москве, где проходили бои, проходил одновременно и Поместный собор. Многие из его участников, которые позже были прославлены как святымученики, наверняка эту верность Богу хранили и могли проявить. Однако единствен-

ное, что они смогли сделать, – это попытаться попросить, чтобы красные не убивали юнкеров (правда, их всё равно потом большевики арестовывали и расстреливали, хотя обещали этого не делать), и потом попросить, чтобы им разрешили этих убитых юнкеров отпеть. Почему такое количество людей, верных Богу, не смогли повлиять на ситуацию в целом?

Действительно, многие из них остались верными Богу. В то время они не смогли ничего сделать, но благодаря им некая линия, связующая ниточка всё равно существует. Она может явно не повлиять на то, что происходит и сейчас, но то, что это рано или поздно обязательно прорастёт, я в этом абсолютно уверен. Есть вещи, за которые человек готов отдать жизнь. И если он отдаёт её за то, за что нужно отдать, это никогда не останется бесплодным.

Максим Пудовиков, председатель православного братства во имя преподобного Силуана Афонского, Воронеж: Как-то так получается, что в последнее время мне как раз попадают статьи и книги, где много говорится о верности. Я понимаю, что это для нас сейчас самое главное – и для людей верующих, и вообще для всех людей, которые

чему-то верны. Мы все должны понять, что предательство – самое страшное в жизни. Если говорить о том времени, то, наверное, у тех людей, которые покорно пошли за красными, не было какого-то духовного фундамента, и они думали, что, если что-то в жизни у них не так, то в этом виноват кто-то другой. Поэтому когда им кто-то предлагал что-то изменить, они, даже не разбираясь, просто шли за ним, думая, что сейчас у них в жизни всё станет лучше.

Когда нет духовной основы, люди не понимают, что надо хранить верность, как бы ни было тяжело. Для нас же одно из самых страшных воспоминаний – предательство Иуды.

Алексей Евстигнеев, председатель малого православного братства во имя свт. Тихона Задонского, Воронеж: Вопрос верности – это тайна. Это как стержень в человеке. Некоторые понятия, такие как Отчизна, Родина, народ, может быть, словами не опишешь, но человек чувствует, что он хранит верность не правительству, а чему-то большему, что предавать нельзя, и чувствует неразрывную связь своей жизни с этим. Это как с предательством на войне: понимаешь, что если сейчас на это согласишься, то как человек перестанешь существовать,

превратишься во что-то такое, отчего уже жить не захочется.

Почему такое количество народа в 1917 году в момент, когда большевики пришли к власти, этого не почувствовали?

Мне кажется, было потеряно умение видеть все взаимосвязи. Когда мы размышляли об этом в нашем братстве, то увидели, что к концу XIX века народ расслоился. В течение столетия до этого шло противостояние общества и власти, и верные мысли о необходимости изменений преподносились так, что всё больше разрушали связи между людьми. Поэтому к 1917 году оказалось утрачено чувство ответственности за свою страну, понимание необходимости служения своему народу. Очень ярко это описано в воспоминаниях Н.А. Кривошеиной: она пишет, что в какой-то момент в 1918 году белые уже подошли к Питеру, можно было бы всё вернуть, у людей в городе было оружие, но все сидели, ожидали чего-то*. Потеря связи.

Если в тот момент у людей были утрачены все основы, то что же говорить сейчас? В течение столетия разрушалась внутренняя основа народа и человека, случилась антропологическая катастрофа. Как мы ещё живы?

Мы об этом тоже размышляли и думали, как же при таком огромном количестве зла, предательств, убийств, миллионах жертв страна наша не разрушилась до сих пор. Это же невозможно объяснить никакой социологией или чем-то ещё. И мы пришли к выводу, что Господь вмешался, и только Он сохранил нашу страну от полного разрушения. **КФ**

* «Наступление докатилось вплоть до Нарвской заставы, белые на некоторых улицах залегали на одном тротуаре, а остатки красных – на другом. Город был оставлен командованием и целых 24 часа (если не больше) был предоставлен самому себе; потом, когда белые внезапно, не дав ни одного выстрела, откатились и, всё быстрее набирая ходу, – скорей, скорей – вернулись в Эстонию, а

Троцкий победителем вернулся – вот тут стало ясно, что больше надежды нет; был момент, когда надо было дать первый встречный выстрел в городе, но никто его не дал, хотя у петроградских жителей оставалось ещё немало оружия, и в душе многие только и ждали этого выстрела». Н.А. Кривошеина, «Четыре трети нашей жизни».

«Мы ждали этого события 28 лет»

Рядом с одним из мемориальных кладбищ будет воздвигнут храм во имя всех святых, в земле Петербургской просиявших

Анастасия Наконечная

В июле 1937 года был издан приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», в котором требовалось «самым беспощадным образом разгромить ... банду антисоветских элементов» и выделялись «контингенты, подлежащие репрессии»: «бывшие кулаки», «члены антисоветских партий» (эсеры и др.), «бывшие белые», «бывшие чиновники», «реэмигранты, скрывшиеся от репрессий», «участники ликвидируемых сейчас казачье-белогвардейских повстанческих организаций», в том числе находящиеся в тюрьмах и лагерях. Все репресслируемые были разбиты на две категории: первые подлежали немедленному аресту и расстрелу по решению «троек», вторые – заключению в лагерь или тюрьму на срок от 8 до 10 лет. В каждую область СССР были разсланы плановые цифры – сколько людей должно быть расстреляно, а сколько – отправлено в заключение. Как было принято в Советском Союзе, эти планы выполнялись и перевыполнялись, с мест шли просьбы увеличить им план в связи с большой раскрыва-

емостью преступлений. Так начался «большой террор».

Через 80 лет у стен одного из самых больших из известных нам сегодня захоронений жертв советских репрессий, открытого как раз в связи с этим приказом, – у Левашовского мемориального кладбища под Петербургом – был заложен камень на месте православного храма, который планируется здесь открыть в октябре 2017 года.

Первые слова, которые я услышала от Анатолия Разумова, главы фонда «Возвращённые имена» при Российской национальной библиотеке в Петербурге, автора 13 томов «Ленинградского мартиролога» (14-й том в работе): «Мы ждали этого события 28 лет!»

Действительно, в 1989 году было найдено это захоронение в Левашове, и всё это время шли разговоры о том, что здесь должен быть храм. Он будет назван в память всех Петербургских святых.

В богослужении на освящении закладного камня участвовало больше 50 человек – благочинный прот. Александр Будников, будущий настоятель храма о. Роман Ковальский, глава Комиссии по канонизации Санкт-Петербургской епархии прот. Владимир Сорокин, представители петербургской Ассоциации жертв репрессий и «Мемориала», члены Свято-Петровского братства, прихожане храмов города. Священники говорили о необходимости помнить это время, молиться обо всех невинно пострадавших.

Среди молящихся был глава администрации Выборгского района Валерий Гарнец. Мне захотелось спросить, а что он, человек сугубо светский, думает о необходимости покаяния в нашем народе. И оказалось, что эта мысль ему далеко не чужда:

Мы не можем вычеркнуть из памяти всё, что было

То, что произошло 100 лет назад, часто называют началом Русской Катастрофы. Как Вы считаете, нужно ли сейчас покаяние русскому народу, чтобы исправиться и идти дальше по пути чистому, не загрязнённым преступлениями советских лет?

Обязательно нужно, потому что мы не можем вычеркнуть из памяти всё, что было. Мы должны всё это помнить – и хорошее и плохое. Русский народ – очень добродушный народ. Мы всегда можем прощать, мы умеем прощать. Поэтому, конечно, надо простить. И идти в будущее «с чистого листа». Отношения должны быть абсолютно новыми. Самое главное – чтобы было согласие в гражданском обществе. Когда будет согласие в гражданском обществе, страна может развиваться по сильному экономическому пути. Если не будет согласия в обществе, это не позволит стране никаким образом стать сильной, независимой. Поэтому сегодняшнее событие ещё раз подчёркивает, что, конечно, это было очень плохое, злое, очень несчастное время. Но оно уже было в прошлом. Поэтому мы должны с вами об этом помнить и не допустить в будущем ничего подобного.

Православная вера говорит, что без покаяния новую жизнь начать невозможно.

Вот мы и каемся сейчас. Мы даже каемся за тех, кто совершил все эти преступления. Ведь это наши предки.

КФ

Открытие Поместного собора

Ольга Филиппова

ПЕРЕМЕНЫ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В 1917 ГОДУ

После победы Февральской революции светский дух новой власти и желание Временного правительства организовать внеконфессиональное правовое государство влекли за собой такие последствия, которые иерархия и духовенство принимали очень трудно. Тем не менее, как это ни покажется неожиданным, Российская церковь оказалась сравнительно более подготовленной к катастрофе 1917 года, чем государство. Толчок этой подготовке дали события 1905 года, прежде всего дискуссия о необходимости возрождения в церкви начал соборности¹. В декабре церкви от лица императора был обещан своего рода «конституционный строй» с представительным органом в виде Собора². Более десяти лет церковь

официально готовилась к Собору. В предсоборное движение были вовлечены все живые силы церкви: епархиальные архиереи, духовенство, учёное и пастырски настроенное, профессора духовных академий и университетов, церковные и светские общественные деятели. Таким образом, когда разразились события февраля 1917 года и встал вопрос о созыве Собора, который в глазах Временного правительства имел демократический характер, представители церкви знали, что и как им нужно делать. С другой стороны, для иерархии и священства даже февральский переворот был своего рода катастрофой. Церкви трудно было взять какой-либо ясный курс, потому что с отречением императора, произошедшим 2 марта 1917 года, исчезла юридическая база, соединявшая её с государством. Все основные законы империи пали. Новая государственная власть имела уже иное основание: не

«Божией милостью», а, так сказать, «волей народа». И с этой новой властью у Церкви не было никаких договорённостей о союзе³. Так, изданное Временным правительством 14-го июля постановление о свободе совести разрешало не только переходить из одного вероисповедания в другое (о чём говорил ещё Указ о веротерпимости 1905 года), но и не принадлежать ни к какой конфессии, выбирать с 10-летнего возраста, в какой конфессии состоять. Другим трудновоспринимаемым актом нового руководства была передача церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения (Декрет от 20 июня). Это решение поддерживалось общественным мнением, которое разделяли даже самые правые политические круги. «Щекотливостью вопроса состояла в том, что духовенство вкладывало в

¹ В феврале 1905 года председатель Совета министров Российской империи С.Ю. Витте подал императору Николаю II записку «О современном положении православной Церкви». В записке отстаивался принцип соборности, включая требование полного участия мирян в предполагавшемся соборе и даже избрания кандидатов от духовенства общинами мирян.

15 марта 1905 года группой 32-х священнослужителей митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию (Вадковскому) была представлена записка «о неотложности восстановления канонической свободы Православной Церкви в России». В этой записке говорилось, что Русская церковь в процессе длительного существования под опекой государства стала утрачивать качества, неотъемлемо присущие церковному организму и нуждается в возрождении соборности. 20 марта 1905 года в газете «Новое время» была опубликована записка митрополита Санкт-Петербургского Антония «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной церкви». Один из её главных тезисов: «Не следует ли предоставить православной Церкви большей свободы в управлении её внутренними делами, где бы она могла руководиться главным образом ... нравственно-религиозными потребностями своих членов?»

22 марта 1905 года после трёх заседаний Синода, посвящённых

теме церковных преобразований, императору был подан доклад с предложением «пересмотреть нынешнее государственное положение Церкви в России», «возглавить Синод Патриархом» и «созвать в Москве для обсуждения церковных преобразований Поместный Собор». 31 марта государь наложил на докладе резолюцию, в которой признавалась необходимость созыва Собора.

² 17 декабря 1905 г. Николай II дал аудиенцию трём высшим иерархам: митрополитам Петербургскому Антонию (Вадковскому), Московскому – священномученику Владимиру (Богоявленскому) и Киевскому – Флавиану (Городецкому) и обсудил с ними вопрос о созыве Собора. Через 10 дней состоялась вторая встреча, на которой император заверил митрополитов в том, что он считает своевременным проведение преобразований в церковном управлении. На имя митрополита Петербургского Антония был дан императорский рескрипт: «...Церковная власть в лице Святейшего Синода весною настоящего года заявила мне о необходимости созвать, для устроения дел церковных, чрезвычайный Всероссийский Поместный Собор. Тяжёлые обстоятельства на Дальнем Востоке не дали мне возможности тогда привести в исполнение это благое намерение. Ныне же я признаю вполне благовременным произвести некоторые преобразования

«Московский Всероссийский собор 1917–18 гг. состоял из епархиальных архиереев, клириков и мирян, и в этом составе точнее отображал каноническую норму Иерусалимского Апостольского Собора, нежели даже Соборы Вселенские»

Протоиерей Сергей Булгаков

эти школы не только свои деньги, но и сердце, – писал последний обер-прокурор и затем министр исповеданий Временного правительства А.В. Карташёв. – Притянутое сначала неохотно государством к этой школьной “повинности”, оно затем искренне по-пастырски увлеклось своей воспитательной работой»⁴. При старой власти представители церкви не чувствовали политической роли церковно-приходских школ. Теперь практически все церковные круги выразили своё возмущение. Протестовали архиереи и священники, левый Всероссийский съезд духовенства и мирян в Москве, многообразная церковная общественность. С этим вопросом тесно связывался и другой – вопрос преподавания Закона Божия в общей школе. Революционно настроенные учителя требовали устранения обязательности этого предмета, а новая власть мыслила только добровольное его изучение. Конечно, в законодательных актах Временного правительства не было ничего нового. Но страны Западной Европы и США шли к отделению Церкви от государства в течение многих десятилетий, в то время как в России реформы пытались провести за несколько недель. Позднее

члены Поместного собора пытались опротестовывать вышеперечисленные нововведения власти. Рассказывая о переговорах с Временным правительством, проф. Н.Д. Кузнецов говорил: «Мы вступили, очевидно, в новый период русской истории не только в отношении политическом, но и более глубоком, касающемся духовной жизни русского народа и ведущем к полному отделению Церкви от государства. Это нужно иметь в виду Собору и особенно его Отделу о правовом положении Церкви, чтобы не потерять чувство действительности и строить реформу, принимая во внимание окружающие условия»⁵.

ЖИЗНЬ ЦЕРКВИ НАКАНУНЕ СОЗЫВА СОБОРА

После Февраля страна бурлила. Подобные настроения охватили и церковь. «Кое-где прихожане восстали на своих священников; чаще всего – псаломщики и диаконы на священников, священники – на архиереев. Экстренные епархиальные съезды дезавуировали своих епископов и обращались к обер-прокурору, прося его о смещениях»⁶, – таковы были реалии послереволюционного времени. Повсеместно возникали разнообразные группы и объединения⁷. В апреле 1917 года обер-прокурор

Поместный собор начался литургией, совершавшейся в праздник Успения Пресвятой Богородицы в Успенском соборе Московского Кремля. О том, как выглядел собор в конце XIX - начале XIX века можно судить по картине Генри Чарльза Брюэра

В.Н. Львов воспользовался старым обер-прокурорским правом – вызвать новый состав Синода. На тот момент в светском и церковном обществе доминировала идея: как Временное правительство является только передаточным органом, доводящим страну до Учредительного собрания, так и новый Синод – только Временная комиссия, доводящая Российскую церковь до Собора. Так новый Синод стал готовиться к Собору, а также утверждать необходимые предварительные изменения в жизни

в строе нашей отечественной Церкви, на твёрдых началах вселенских канонов, для вящего утверждения Православия. А посему предлагаю Вам, Владыко, совместно с митрополитами: Московским – Владимиром и Киевским – Флавианом, определить время созыва этого, всеми верными сынами Церкви ожидаемого, Собора».

После этого было создано Предсоборное присутствие, которое работало почти год – с 3 марта по 15 декабря 1906 года. Сводный доклад Присутствия был представлен государю, он его изучал и 25 апреля 1907 года наложил на него резолюцию: «Собор пока не созывать». Это «пока» продлилось более десяти лет.

³ См. Карташёв А.В. Революция и Собор 1917–18 гг. // Альфа и Омега. 1995. № 3 (6).

⁴ Там же. С. 104.

⁵ Цит. по: Священный Собор Православной Российской Церкви, 1917–1918 гг. Обзор деяний. Т. 1 / под общ. ред. Г. Шульца. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2002.

⁶ Карташёв А.В. Там же. С. 101.

⁷ «Союз прогрессивного петроградского духовенства», «Всероссийский Союз демократического православного духовенства» с прямой проповедью республики и социализма, «Совет по делам православной церкви» и др.

Священномученик митрополит
Владимир (Богоявленский)
(1848–1918)

церкви. Для подготовки Собора был созван Предсоборный совет – большая совещательная коллегия из епископов, клириков и мирян, среди которых было много профессоров духовных академий и университетов.

Наряду с учреждением Предсоборного совета, новый Синод опубликовал ряд «Временных положений», которые дали бы возможность созвать Собор не из лиц, неизвестно кем назначенных, а из лиц избранных. Так на основе новых положений жизнь епархий начала перестраиваться сверху донизу. В частности, был воскрешён древний порядок избрания, существовавший в Ранней церкви. Епископские кафедры замещались в порядке свободного избрания тайным голосованием представителей клира и мирян епархии на внеочередных епархиальных съездах. В большинстве были выбраны уже правившие на этих кафедрах архиереи. Но не везде процесс шёл гладко. Некоторые выборы не были. Новый Синод оказался в затруднении и всячески оттягивал окончательное

решение вопроса до резолюции высшего авторитета – Собора.

Сегодня можно услышать, что выборы епископов в 1917 году, так же как и решение Собора касательно их результатов, – дань революционному времени, что сделано это под влиянием политических событий и является неканоничным. С одной стороны, да, – прошедшие в неспокойное революционное время выборы, к сожалению, не везде дали безупречные процедуру и результаты. Хотя где-то и дали. Так, несомненно, успешными можно назвать избрания на кафедры Петрограда и Москвы тогда находящихся в сане епископа Вениамина (Казанского) и архиепископа Тихона (Беллавина). С другой стороны, напрашивается естественный вопрос: если избрание епископов в 1917 г. было неканоничным, почему столь выдающиеся (по преимуществу) иерархи приняли участие в неканонической процедуре? Почему они не протестовали?

А.В. Карташёв
(1875–1960),
в дни открытия Собора –
министр вероисповеданий
Временного правительства

Ведь большинство из них имели и великолепное образование, и силу духа, которые чуть позже, при большевиках, позволили им сопротивляться или действовать весьма решительно даже под угрозой расправы. Наверное, ответ один – епископы прекрасно осознавали, что избрание, в котором они участвуют, канонично и вполне соответствует церковной норме.

ОТКРЫТИЕ СОБОРА

Летом 1917 года Предсоборный совет утвердил выборный принцип избрания членов Поместного собора. Новые нормы позволили даже женщинам голосовать за кандидатов. Спорный вопрос о составе Собора теперь был решён без колебаний: к этому времени все понимали, что работа Поместного собора без участия мирян невозможна, что без них это будет Собор, решения которого не получат церковной рецепции, что, говоря светским языком, Собор будет не легитимен. Профессор-священник Сергей Булгаков писал: «Московский Всероссийский собор 1917–18 гг. состоял из епархиальных архиереев, клириков и мирян, и в этом составе точнее отображал каноническую норму Иерусалимского Апостольского Собора, нежели даже Соборы Вселенские»⁸. В работе Собора в Москве участвовало 564 человека: 72 епископа, 192 священнослужителя и 299 мирян. Все участники Собора обладали правом голоса.

28 августа Собор был открыт торжественной литургией в Успенском соборе Кремля. Предстоял за литургией старейший из митрополитов – Владимир (Богоявленский). Он же прочёл грамоту Синода об открытии Собора, после чего все вышли крестным ходом на Кремлёвскую площадь. «А здесь уже стоял целый лес хоругвей, – собравшихся со всей Москвы крестных ходов, – вспоминает А.В. Карташёв. – <...> Соединённый крестный ход направился к Чудову монастырю, а оттуда прошёл через Спасские ворота на Красную площадь, на Лобное место, где и был пропет особый молебен самими членами Собора. <...> Весь Кремль и Красная площадь были покрыты десятками тысяч народа. Но полицейского порядка не было. Веяло хаосом революции. Москва была переполнена и бурлила. В грозной и тревожной обстановке

«Для уничтожения старой лжи и гнили значение революции будет велико. Пока же в революционном движении Бог забыт, и от такого движения безумно ждать религиозного возрождения. Не следует слишком многого ждать и от Поместного Собора. Вряд ли возможно в церковном Соборе большее количество религиозной энергии, чем та, которая существует в церковном народе»

Н.А. Бердяев, август 1917 г.

открывался Собор. В душе его участников мучительно сталкивались два диссонирующих переживания: чисто религиозное ликование от сознания участия в великом, издавна чаемом, вожделенном таинстве церковного соборования⁹, наслаждение церковной канонической свободой и – с другой стороны – наблюдение явного растления патриотической воли народа, разложение армии, предчувствие поражений, унижения России и революционных ужасов¹⁰.

ОСНОВНЫЕ ОЖИДАНИЯ И ОПАСЕНИЯ

Центральной вдохновляющей темой предсоборного движения, так же как и Собора, была идея соборности. Практически все его постановления связаны с поиском пути воплощения соборности, и в этом смысле – с размышлением и борьбой за соборное начало, с выявлением равновесия между ролью иерархии и ответственностью остальных членов церкви, с активным вовлечением мирян в жизнь церковных институтов всех уровней. Так на Соборе была сделана попытка преобразования системы церковного управления на началах соборности «якоже можаху» на всех ступенях церковного бытия: для всей Российской церкви, для митрополичьих округов, епархий, благочиний, приходов. Это определения: «О правах и обязанностях Святейшего патриарха», «О местоблюстителе патриаршего престола», «О созыве очередного собора», «О Св. Синоде и Высшем церковном совете», «О круге дел, подлежащих ведению органов Высшего церковного управления», «О церковных округах», «О епархиальном управлении», «О православном

приходе» и многие другие. Именно с воплощением духа соборности в эмпирической жизни Российской церкви лучшие её силы связывали будущее, видели возможности для преобразования церкви и страны. Другим упованием церковного большинства оставалась надежда на сотрудничество Церкви и государства. Эти надежды питали и члены отдела, занимавшегося вопросами правового положения Церкви в государстве. В определении от 3 декабря 1917 года, то есть уже после октябрьских событий, Собор основывался на том, что православие занимает господствующее среди других исповеданий положение, а Российская церковь пользуется поддержкой государства: акты церковного управления и суда признаются имеющими юридическую силу; государственные законы,

С.Н. Булгаков
(1871–1944), философ.
Фотография 1907 г.

касающиеся православной церкви, издаются по соглашению с церковною властью; глава государства, министры народного просвещения и исповеданий являются православными и т. д. Данное решение не продиктовано давлением консервативного «лагеря». Так в 1917 году подавляющее большинство церковных людей самых разных

политических вкусов и взглядов понимало «нормальные отношения» государства и церкви. Профессор С.Н. Булгаков¹¹, представлявший вышеперечисленные положения на Соборе, писал: «Законопроект выработывался именно в сознании того, что должно быть, в сознании нормального и достойного положения Церкви в России. Наши требования обращены к русскому народу через головы теперешних властей»¹². Этот проект Собора так и остался романтической иллюзией ушедшей эпохи.

Накануне открытия Собора сомнения высказал Н.А. Бердяев: «Революция обнаружила духовную опустошённость в народе. И опустошённость эта есть результат слишком застарелого рабства, слишком далеко зашедшего процесса разложения в старом строе, слишком долгого паралича Русской церкви и нравственного падения церковной власти. <...> Для уничтожения старой лжи и гнили значение революции будет велико. <...> Пока же в революционном движении Бог забыт, и от такого движения безумно ждать религиозного возрождения. <...> Не следует слишком многого ждать и от Поместного Собора. Вряд ли возможно в церковном Соборе большее количество религиозной энергии, чем та, которая существует в церковном народе»¹³. И тем не менее, многие участники Собора уже в 1917 году осознавали его не просто как поворотную веху, но как событие беспрецедентное для всего российского православия.

На Соборе многие ожидали противостояния иерархии – с одной стороны и духовенства и мирян – с другой. Действительно, часть клира и профессуры академий и

⁸ Булгаков С.Н., проф.-свщ. Православие. – Париж: YMCA-Press, 1989. 3-е изд. С. 112–113.

⁹ Здесь в значении «таинство осуществления соборности».

¹⁰ Булгаков С.Н., проф.-свщ. Православие. – Париж: YMCA-PRESS, 1989. 3-е изд. С. 108.

¹¹ С 1918 года – священник.

¹² ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 277. Л. 138. (97).

¹³ Бердяев Н.А. Свободная церковь и Собор // Народопрество. 1917. 21 авг. № 7. С. 4–6.

«Внутри страны – разруха, на фронте – измена. Среди воинов немало таких, что смеются над законом, глумятся над доблестью, издеваются над подвигом, избивают начальников, изменнически братаются с врагом и в то же время расстреливают идущих в бой своих же героев. Неслыханное на Руси...»

Из выступления протопресвитера Георгия Шавельского на Поместном соборе

университетов относились, мягко говоря, подозрительно к высшей церковной власти, полагая, что епископы будут стремиться к сдерживанию реформ. В свою очередь, архиереи опасались умаления своего авторитета. Всем казалось, что столкновение неизбежно. Однако, к общей радости, этого не случилось. Позднее митрополит, а тогда архиепископ Евлогий (Георгиевский) вспоминал: «Облик Собора, по пестроте состава, непримиримости, враждебности течений и настроений, поначалу тревожил, печалил, даже казался жутким. Интеллигенция, крестьяне, рабочие и профессора неудержимо тянули влево. Среди духовенства тоже были элементы разные. <...> Необъединённость, разброд, недовольство, даже взаимное недоверие – вот вначале состояние Собора. Но – о чудо Божие! – постепенно всё стало изменяться... Толпа, тронутая революцией, коснувшаяся её тёмной стихии, стала перерождаться в некое гармоническое целое, внешне упорядоченное, а внутренне солидарное. Люди становились мирными, серьёзными работниками, начинали по-иному чувствовать, по-иному смотреть на вещи. Этот процесс молитвенного перерождения был очевиден для всякого внимательного глаза, ощутим для каждого соборного деятеля. Дух мира, обновления и единодушия обнимал всех нас»¹⁴.

Существенным в Уставе Собора было то, что он, выражаясь языком конституции, был разделён на две палаты: на «Общие собрания» и «Совещания епископов». Все вопросы проходили через Общие собрания, где голоса епископов, пресвитеров и мирян имели равный вес. Далее решения Общих собраний поступали на утверждение епископов, которые

могли отклонить его тремя четвертями голосов. Если же и после пересмотра Общим собранием своего решения оно вновь отклонялось тремя четвертями голосов епископов, такое решение не получало силы соборного определения. «Этим пунктом Устава Собора дана была гарантия, что никакое поспешное и слишком революционное постановление Собора не грозило его авторитету. Это правило стало краеугольным камнем внутрисоборного мира. Оно не только юридически, но и морально искренне выражало то настроение, которое даже неожиданно для самих участников Собора в нём постепенно возобладало»¹⁵.

Так сам Собор уже фактом своего собрания породил надежды на то, что жизнь церкви и страны может пойти по более здоровому руслу. Конечно, объединённая работа не исключала расхождений и противостояний, временами приобретающих остроту как под воздействием государственных настроений, так и от разницы во взглядах членов Собора на глубину возможного церковного переустройства.

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ПОЗИЦИИ

В церковном и политическом смысле очевидное большинство на Соборе принадлежало консерваторам, придерживающимся клерикальных и более охранительных позиций по сравнению с остальными соборными группами. Центральной личностью, вокруг которой формировалось консервативное крыло, была яркая фигура архиепископа Антония (Храповицкого)¹⁶. «Широкое и веское центральное течение ревновало, главным образом, о проведении в церковную жизнь правильного начала соборности, – вспоминает

А.В. Карташёв. – При этом основном условии оно охотно поддерживало церковный консерватизм епископата, с одной стороны, и политический либерализм левых – с другой.

Роль лидера центра принадлежала профессору князю Е.Н. Трубецкому. С ним рядом была фигура профессора С.Н. Булгакова». В этом содружестве можно найти как сторонников, так и противников идеи патриаршества.

Архиепископ Антоний (Храповицкий) (1863–1936)

Все они выступали за реформу церковного управления, в том числе с привлечением мирян, и признавали важность реформы богослужения. Небольшое левое крыло, критически настроенное по отношению к полновластии иерархии, было в этом смысле «пресвитерианским». «Лидерами его были протопресвитер о. Георгий Шавельский и московские протоиереи о. Николай Добронравов и о. Николай Цветков. Их поддерживала группа профессоров духовных академий, сравнительно левая и

¹⁴ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Воспоминания. – М.: Моск.рабочий; ВПМД, 1994. С. 273.

¹⁵ Карташёв А.В. Там же. С. 107.

¹⁶ С 1918 г. митрополит, с 1922 г. до кончины – глава РПЦЗ.

Протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский (1871–1951)

в политическом смысле»¹⁷. Это «крыло» Собора не одобряло идею патриаршества и, конечно, подобно «центральному течению», выступало за реформы церковного управления с ещё более широким привлечением духовенства и мирян. Разделяло оно и идеи реформы богослужения. Немалая заслуга в том, что многочисленное и разномысленное собрание превратилось в церковный Собор, принадлежит Соборному совету. Не перестаёшь удивляться, в каком единодушии был избран на

Протоиерей Николай Цветков (1862–1942)

первых заседаниях Поместного собора председателем Соборного совета митрополит Тихон (Беллавин)¹⁸, руководивший Общими собраниями вплоть до своего избрания в патриархи.

Священномученик протоиерей Николай Добронравов (1861–1937).
Расстрелян на Бутовском полигоне

ПЕРВЫЕ РЕШЕНИЯ СОБОРА В ОТВЕТ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РАСПАД 1917 ГОДА

Поместный собор проходил в условиях революции и разрушения Российской империи. Уже на первых заседаниях протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский обрисовал положение страны на Германском фронте: «...мы пришли к ужасной катастрофе. Шквал внутри прошёл сравнительно благополучно, корабль от этого шквала не разбился, но теперь надвигается внешний шквал, и от этого шквала корабль государства может разлететься в щепки, может окончательно разбиться. Я считаю, что умалчивание подобно преступлению <...> Внутри страны – разруха, на фронте – измена. Сбитые с толку предателями и шпионами, злостно обманываемые врагом, целые полки оставляют позиции, бросают оружие, предают товарищей, сдают города, дарят врагу огромную добычу, над мирными жителями чинят гнусные насилия. Среди воинов немало таких, что смеются над законом, глумятся над доблестью, издеваются над подвигом, избивают начальников, изменнически братаются с врагом и в то же время расстреливают идущих в бой своих же героев. Неслыханное на Руси...»¹⁹.

Многим участникам Собора слова протопресвитера показались тогда слишком эмоциональными, непомерно утрирующими опасность происходящего. При знакомстве с документами Собора часто складывается впечатление непонимания значительной частью соборян масштаба надвигающейся катастрофы. Очевидно, в 1917 году многим казалось, что все эти нестроения – очередной зигзаг истории, подобный грозе, которая проходит. Видимо, все

Митрополит Московский Тихон (Беллавин)

опирались на опыт революции 1905 года, вспоминая, как после революционных перипетий жизнь вернулась «в привычное русло». Конечно, нельзя сказать, что участники Собора не ощущали серьёзности момента. Уже в первые месяцы работы Собор выпустил целый ряд обращений: «ко всему православному русскому народу» (06.09.1917), с увещанием прекратить начавшиеся грабежи и анархию; «к армии и флоту» (06.09.1917); «по поводу угрожавшей Родине братоубийственной войны» (14.09.1917), «по поводу расхищения церковного имущества и земли» (02.11.1917). На праздник Воздвижения Креста Господня в храмах России были совершены всенародные покаянные моления. После Октябрьских событий были выпущены послания: «о прекращении кровопролития, недопущении расправы с побежденными и сохранении святынь Кремля» (15.11.1917); «о помощи солдатам, находящимся в немецком плену» (17.11.1917); «об отпевании погибших обеих сражавшихся сторон» (24.11.1917); «к православному народу с призывом к покаянию за грех братоубийства и с осуждением "лжеучителей, призывающих осуществить всемирное братство путём всемирного междоусобия"» (24.11.1917) и другие²⁰. КФ

Подробнее о содержании и главных решениях первой сессии Собора, проходившей с августа по декабрь 1917 года, мы расскажем в следующих номерах

¹⁷ Карташёв А.В. Там же. С. 110.

¹⁸ Кандидатура митрополита Тихона получила 407 голосов из 432.

¹⁹ Деяние № 9 // Деяния Священного Собора Православной

Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. I. – М., 1994.

²⁰ См. Деяния Собора от 24 августа, 1 сентября и 20 октября, а также от 2, 4 и 11 ноября 1917 года.

«Мы ждём от святого Собора призыва ко всенародному покаянию»

17 августа 1917 года на первом заседании Поместного собора были заслушаны приветствия. С некоторыми из них мы хотели бы познакомить наших читателей

Профессор Московского университета
Е.Н. Трубецкой

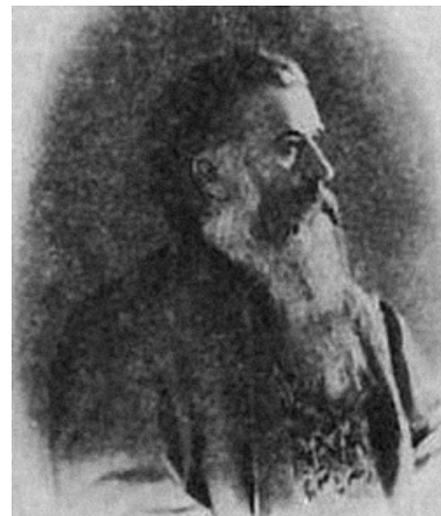
От Московского университета и религиозно-философского общества имени В.С. Соловьёва приветствие прочитал профессор Е.Н. Трубецкой:

«Среди великой, тяжкой скорби, переживаемой нами теперь, есть один проблеск светлой радости. Никто не забудет тех минут, которые мы провели в Успенском соборе и на Красной площади 15 августа. Радость, которую мы испытали тогда, мы не чувствовали бы так сильно, если бы мы не пережили таких страданий. Скорбь никогда не была так осязательна, как теперь. И голод, и холод, и вражеское нашествие... В основе всех этих бедствий лежат наши грехи, наши преступления. Можно вести нескончаемую повесть о наших грехах и преступлениях, об оскудении веры и любви к родине. И вот, как весть из другого мира, пришёл к нам этот Собор. Все мы веруем в слова Христа: «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». И вот Сам Христос посреди нас. Вся Москва

15 августа двинулась в сретение Христу. И пусть это будет великим сдвигом, который нас исцелит и воскресит. Никакая политическая мудрость не выведет душу народа из ада. Нужна Господня благодать. Да будет же во всей Руси то, что мы видели в Москве! Пусть Собор прозвучит благою вестью о воскресении Христа и о воскресении во Христе русского народа!»

От общества «Соборная Россия» приветствие прочитал его основатель и председатель А.В. Васильев:

«Общество «Соборная Россия», имеющее целью возсозидать и строить свободную христианскую общественность на единственно незыблемом основании – соборности, приветствует Всероссийский Поместный Собор как высшее, наиболее полное и совершенное проявление этого божественного начала, как венец и утверждение православной соборной церковности. «Соборная Россия», как и весь верующий русский народ, ждёт от Церковного Собора не только устроения Церкви, но и спасения Государства. Переживаемые нашим отечеством бедствия, весь этот распад и развал, вся эта лишняя изменнически проливаемая кровь и ужас нравственного падения... – от забвения Бога, забвения исповедуемой нами в Символе веры, но пренебрежённой и загнанной в жизни соборности, подменённой духом партийной, сословной и классовой розни, духом неверия, корысти и вражды. Да умудрит же Господь наш Иисус Христос Отчим Духом Святым Всероссийский Церковный Собор вернуть заблудшую часть нашего народа к вере отцов: благоустроить и утвердить Всероссийскую Церковь

Председатель общества «Соборная Россия» А.В. Васильев

на каноническом и соборном основании; восстановить живое её общение с остальными частями Вселенской Церкви; восстановить духовную целостность русского народа; призвать его к необходимому для защиты Отечества и для достойного завершения святой по её целям освободительной войны жертвам и честному труду; призвать все состояния и части народа Русского и все народы Державы Российской к свободному единству, к взаимному благоволению и миру».

От Крестовоздвиженского православного трудового братства приветствие прочитал член Братской думы, будущий священномученик свящ. Александр Секундов:

«Глубокоуважаемые Архипастыри, пастыри и верные сыны Церкви, члены Всероссийского Церковного Собора! «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф 18:20). Верим, что и среди вас

Мы жаждем не того мрачного покаяния, которое рождается в испуганном сердце в минуты ожидаемой кары, а той глубокой самопроверки, при которой мы поймём свои ошибки, поймём великий грех отвержения любви и правды Божией и с бодрой радостью пойдём на зов Отца Небесного, смиренно прося Его мудрого руководства

Член Братской думы
Крестовоздвиженского православного
трудового братства священник
Александр Секундов

будет Христос, что Он объединит души ваши, будет руководить трудами вашими, ибо вы, избранные по молитвам всей верующей Руси, собрались во имя Христа, для того великого, святого дела, ради которого Он умер на кресте, ради возрождения души человеческой, для духовного воскрешения жизни церковной. Благословенны вы, грядущие во имя Господне! Благословенны вы, несущие в своих сердцах ярко горящие светильники веры и любви! Дух Святой найдёт на вас, и сила Вышнего осенит вас. И скажет Господь через вас мятущемуся несчастному в своей злобе человечеству, что только в исполнении заветов Божиих оно найдёт своё счастье; и напомнит ему Господь о любви Своей: “Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели” (Мф 23:37). “Приидите ко Мне все труждающиеся и обреме-

ненные, и Я успокою вас” (Мф 11:28), но прежде очистите своё сердце покаянием, ибо только “чистые сердцем Бога узрят” (Мф 5:8).

Да, мы истомились в хаосе лжи и зла; мы ждём от святого Собора призыва ко всенародному покаянию. Мы жаждем не того мрачного покаяния, которое рождается в испуганном сердце в минуты ожидаемой кары, а той глубокой самопроверки, при которой мы поймём свои ошибки, поймём великий грех отвержения любви и правды Божией и с бодрой радостью пойдём на зов Отца Небесного, смиренно прося Его мудрого руководства. Пусть этот призыв к покаянию прозвучит мощно, как колокол, зовущий во храм преображения. Мы верим, что он не останется неслышанным, что много изстрадавшихся душ с мольбой обратятся к Тому, Кто может не только усмирить бушующее море злобы людской, но и водворить в душах и жизни людей Своё царство любви, мира и радости о Духе Святом.

Мы, члены Крестовоздвиженского Православного Первого Трудового Братства, объединившиеся во имя Христа для совместного созидания обновленной жизни, в братской любви и общинном труде, с каждым годом всё глубже познавая правду и силу жизни по вере, счастье и радость её, возносим горячие молитвы, призывая на Церковный Собор великие дары благодати Божией. Через ваши труды Господь да обновит церковную жизнь нашу, да явит чудо Своей всепрощающей любви и спасёт Россию. Да озарится Русь наша светом от Света Небесного и в этих святых лучах да узрит путь свой.

Блюстительница Братства
Мария Уманец».

Верховный главнокомандующий
генерал Л.Г. Корнилов

В телеграмме от Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова Поместному собору передавался привет и искреннее пожелание успеха в его святом деле. После этого в ней говорилось:

«Позвольте принести привет и пожелания и от всех чинов Ставки Верховного Главнокомандующего и высших чинов армии. Среди тяжёлых испытаний, какие переживает Россия, у нас не умерла мысль, что густой туман рассеется и что из глубины России воссияет возрождение. Нам не страшен внешний враг. Мы верим, что дух христоролюбивого воинства не вовсе отлетел из рядов армии и что с помощью доблестных сынов её воскреснет свободная Русь. Позвольте же просить Поместный Собор своими молитвами поддерживать армию, возжечь тот пламень веры, который нужен нам». **КФ**

Спускаясь в расстрельный ров

Интервью с протоиереем Кириллом Каледой,
настоятелем храма Свв. новомучеников и исповедников Российских,
о новом мемориале на Бутовском полигоне

Беседовала Александра Колымагина

Я от многих людей уже слышала о мемориале, который открывается в Бутово: кто-то из знакомых ездил на экскурсию, кто-то был на встрече с директором музея Игорем Владимировичем Гарькавым, и все с большим чувством рассказывают, как это будет выглядеть. Это будет ров, где по стенам будут списки имён расстрелянных. А будут ли там фотографии?

Идея мемориала – увековечить именно имена. К сожалению, у нас нет фотографий всех убиенных. Но есть список людей, которые были расстреляны на Бутовском полигоне в период с августа 1937-го по октябрь 1938 года.

И это около двадцати тысяч людей?

Двадцать тысяч семьсот шестьдесят два человека: по ним есть акты о приведении в исполнение приговоров с указанием имен и

фамилий. В результате проверок, которые проводили в начале 1990-х сотрудники КГБ, удалось установить, что все эти люди расстреляны именно на Бутовском полигоне. Эти акты – основополагающие документы для нашей мемориальной, исторической, исследовательской деятельности.

Возникла идея отразить имена всех двадцати тысяч расстрелянных на каменных плитах. Чтобы прочитать их, нужно будет спуститься вниз – ниже уровня земли. Мы располагаем их во рве, по стенам которого с двух сторон идут доски с именами. Они сгруппированы по датам расстрелов; с одной стороны тридцать седьмой год, с другой – тридцать восьмой. На этих досках выбиты имя, фамилия и год рождения каждого погибшего. Сначала мы хотели, чтобы было указано еще и отчество, но, к сожалению, не смогли себе позволить такой «роскоши»: длина этих досок и так триста метров – сто пятьдесят метров одна сторона, сто пятьдесят метров другая. Уменьшить высоту букв мы не можем, она и так относительно небольшая, около двух сантиметров; не имеем и возможности еще увеличивать размер мемориала.

Поэтому остановились на том, чтобы на досках были выбиты фамилия, имя и год рождения. Почему год рождения? Потому что у нас среди этих двадцати тысяч имеются полные тезки: имя, фамилия, отчество совпадают, различается только год рождения. Для того, чтобы различить этих людей, мы его и указываем.

Когда мы спускаемся, то оказываемся фактически уже на уровне погребения: наши исследования показывают, что глубина захоронений сейчас – около полутора метров. Таким образом, мы входим в символический расстрельный ров. Он сделан на том месте, где настоящих погребальных рвов нет – мы не пересекаем захоронения. Мемориал сделан в восточной части полигона, на территории так называемого Яблоневого сада. Этот сад был посажен сотрудниками КГБ в семидесятых годах на том месте, где не было общих могил. Нужно сказать, что одна из причин, почему мы решили углубить мемориал, связана еще и со стремлением не очень сильно повлиять на общий облик полигона. Мы всё-таки привыкли к тому, что он выглядит именно так.

Мы надеемся, что сооружение этого мемориала бу-

дет завершено к концу лета, в августе, и в начале осени мы сможем его открыть.

Я помню, как лет двадцать назад мы приезжали к вам в Бутово. Тогда была ещё только деревянная церковь и деревянный крест на полигоне, и сердце во время поминальной молитвы, конечно, сжималось и содрогалось. В последнее время в разных местах в связи со столетием событий 1917 года и с восьмидесятилетием начала большого террора устанавливают памятники. Недавно был установлен закладной камень в Левашове, на месте, где будет памятник погибшим членам братств. Осенью будет установлен памятник жертвам репрессий в Москве. И тем не менее у меня такое ощущение, что людей, которые приезжают, думают, вспоминают, не стало значительно больше. Их всё равно очень мало, и общее усилие осознания и

покаяния в связи с тем, что произошло в минувшем веке, пока очень небольшое. А как Вам кажется? Ведь в Бутово всё время приезжают те, кто размышляет об этом?

Я согласен с тем, что покаяние и осознание того, что произошло, действительно, совсем небольшое. Последние несколько лет в составе организованных групп экскурсантов и паломников Бутовский полигон за год посещает всего лишь около восьми тысяч человек. Конечно, есть те, кто приезжает сам по себе, прежде всего родственники, и в нашу статистику они не попадают. Люди приезжают и на богослужение; патриаршая служба собирает три, четыре тысячи человек. Но всё равно это очень мало, особенно если сравнить с цифрами посещений подобных памятных мест в Европе или Израиле. В центре Берлина на том месте, где некогда была штаб-квартира гестапо, сейчас создан мемориальный комплекс «Топография террора», и этот комплекс посещает за год полтора миллиона человек. Понятно, что он находится в центре города, до него гораздо проще добраться, чем до Бутово; для того, чтобы приехать к нам, надо приложить некоторые усилия.

Но всё равно цифры просто несопоставимы*.

Вместе с тем я служу здесь более двадцати лет и могу свидетельствовать, что число посетителей Бутовского полигона всё-таки возрастает, и это заметно. И в целом память о жертвах распространяется, расширяется, причём она становится более глубокой. Свидетельство этому – то, что нас посещают самые разные люди. Вот пример: недавно приехала большая группа из Уралья, поскольку оказалось, что у нас в Бутово похоронен Дос-Мухамедов Джаянша, который стоит у истоков создания современного государства Казахстан. Он был расстрелян 3 августа 1938 года. В этой небольшой группе, человек в пять-шесть, были два человека, которые занимаются историей Казахстана, был журналист и был мулла. Такая вот неожиданная для нас делегация. А на праздник апостолов Петра и Павла были паломники с севера Италии – четыреста человек. Слава Богу, что и наши православные русские паломники тоже посещают Бутовский полигон. Весной и летом этого года у нас было много таких групп.

Мы и сами каждое лето совершаем паломнические

Проект мемориала

экспедиции по местам жизни и подвига новомучеников. Нашим приходом мы объехали фактически всю европейскую часть России, были в Прибалтике, в Белоруссии, в Украине. В этом году наше паломничество проходило по Архангельской области, и закончилось оно на Соловках. Дело в том, что десять лет тому назад, в 2007 году, крестным ходом, который прошёл по водным системам Беломор-Балтийского канала, системам Волго-Балта, канала имени Москвы мы привезли с Соловков большой поклонный крест, и этот крест уже десять лет стоит у нас на полигоне. В память об этом событии мы и решили, что в этом году совершим нашу паломническую экспедицию на Север. Поездка наша началась с города Вельска, с села Пезма, откуда происходит одна из наших Бутовских новомучениц, Апполинария Тупицына, продолжилась

в Кеми, а завершилась на Соловках.

И все эти годы, совершая паломничества, мы видим, что там, где раньше никто ничего не знал о новомучениках, их почитание, память о них присутствуют. И слава Богу! Понятно, что иногда батюшки просто откликаются на призыв священноначалия, на указание, что необходимо отслужить службу новомученикам, провести какие-то памятные мероприятия. Но тем не менее после общения со своими собратьями-священнослужителями я могу уверенно сказать, что немало и тех, кто действительно ревнует о памяти новомучеников.

КФ

* Мы решили позвонить в Государственный музей истории ГУЛАГа, находящийся в центре Москвы, и узнать, сколько посетителей бывает за год в нём. В 2015 году было 25 800 посетителей, в 2016-м – 36 800. – Ред.

«Взгляд с Ваганьковского холма»

Фрагменты пресс-конференции, проходившей незадолго до открытия выставки, посвящённой жизни Румянцевского музея в 1917 году

Выставка «Москва 1917: взгляд с Ваганьковского холма» состоит из двух частей. Одна часть посвящена истории Румянцевского музея и библиотеки, а вторая – событиям, которые происходили в этот год в Москве. Проходит она в Пашковом доме, в Ивановском зале, и продлится до 20 сентября.

Руководитель проекта Наталья Самойленко: То, что было в Пашковом доме с середины XIX века, то, что разрасталось на Ваганьковском холме, было крупнейшим культурным центром Москвы – Румянцевским музеем. Вот о его истории, его жизни в 1917 году и будет рассказывать эта выставка. Мы показываем впервые те предметы из коллекции Румянцевского музея, которые остались внутри библиотеки, а не были переданы вместе с другими экспонатами тридцати разным музеям. Мы использовали мемуары, архивные материалы для того, чтобы рассказать о том, как в год очень тяжкий удалось сохранить главную культурную институцию Москвы. Более того, в этот момент началось активное пополнение фондов Румянцевского музея. Началась национализация коллекций; одновременно Румянцевский музей воспринимался как место, где можно было сохранить частные коллекции.

РГБ, конечно, в течение XX века чрезвычайно увеличила свои фонды, превратившись в крупнейшую в Европе библиотеку, уступающую по своему объёму только Библиотеке Конгресса. Но при этом Румянцевский музей, лежавший в основании РГБ, – это то наследие, к которому постоянно стоит обращаться.

Куратор проекта Ольга Барковец: Мы увидим, как по-разному

относились сотрудники музея к происходящим событиям: от полного неприятия, особенно руководителями Румянцевского музея, до полного приветствия (в первую очередь нижними чинами и вольноопределяющимися). Мы показали трансформацию, то, что происходило внутри музея. При этом, несмотря на тяжелое положение – иногда не было дров и угля, чтобы отапливать музей, – сотрудники продолжали оставаться профессионалами с большой буквы и выполнять свой служебный долг. Благодаря им были спасены и коллекция Зубалова, и одна из лучших коллекций церковных ценностей и икон, собранная купцом Егоровым, который был злодейски убит в 1917 году, и ценнейшая библиотека Александровского военного училища, которую спасли от разграбления после поражения юнкеров.

Мы показываем жизнь москвичей через газеты, которые выходили в 1917 году, и через плакаты, в том числе и торговые, потому что в 1917 году жизнь продолжалась. В части вы-

ставки события 1917 года рассказаны через роман «Красное колесо», через подлинные страницы рукописи Александра Исаевича, его фантастическую картотеку. Можно много говорить о романе-эпопее, но пока своими глазами не увидишь эти конверты, многочисленные заметочки, биографические справки, выписки, фотографии, которые делал Александр Исаевич, собирая материал к написанию романа, не поймёшь объём не только самого романа, но и колоссального писательского труда, связанного с подготовкой к написанию этой книги.

Олег Романовский, журнал «Экоград»: Будет ли какой-нибудь альбом, каталог по этой выставке? Было бы хорошо, если бы он был этим отмечен.

Наталья Самойленко: Мы постарались на материале выставки сделать книжку, максимально отражающую содержание этой выставки, но сделанную нетрадиционно, увлекательно, с тем, чтобы она была интересна молодому поколению, и при этом практи-

чески отражала бы все самые главные произведения нашей выставки. Это популярное, интересное издание. Оно появится в день открытия.

Александра Колымагина, газета «Кифа»: Мы в течение всего этого года с ноября 1916 года делаем ретроспективные публикации, которые касаются событий столетней давности, и столкнулись с тем, что наиболее ценным материалом при этом являются дневники того времени. Я знаю, что в своё время Румянцевской библиотеке был передан дневник князя Владимира Михайловича Голицына, одного из родственников директора музея. Семья не была уверена, что сможет в сложившихся обстоятельствах сохранить эту ценность, потому что судьба каждого представителя такого известного аристократического рода была совершенно непредсказуема. Издана лишь небольшая часть этого дневника – с июля 1918 года. Эту часть рукописи расшифровал и издал один из потомков Владимира Михайловича. Но остальное остаётся в виде рукописи. Скажите, будут ли такого рода материалы представлены на выставке? Много ли ещё подобных дневников у вас хранится? И есть ли какая-нибудь программа перевода их в читаемый вид, хотя бы в виде фотографий, размещённых в интернете?

Ольга Барковец: Да, этот дневник будет на выставке. Нужно сказать, в отделе рукописей достаточно много дневников, связанных с семнадцатым годом. Есть дневник дочери директора музея, князя Василия Дмитриевича Голицына, – Зинаиды Араповой. Его мы тоже показываем на этой выставке. Потому что нам очень интересно показать революцию глазами людей, переживающих, болеющих, и дневники – это уникальная возможность. Что касается доступности рукописей, то это колоссальная работа, связанная в первую очередь с расшифровкой материалов.

Наталья Самойленко: Этим занимаются, я добавлю, сотрудники отдела рукописей. Но в то же время библиотека – это ведь место для исследователей. У нас нет каких-то пре-

пон для тех, кто готов работать с этим материалом.

Неонила Ильченко, «Московский вестник культуры»: В каком году был построен Румянцевский музей? Кто его архитектор? Имеются ли современные меценаты Румянцевского музея?

Наталья Самойленко: Румянцевский музей возник в 1861 году, и это был музей, который был, во-первых, публичным, во-вторых, весь был построен на дарах. Даже если эти дары исходили от императорской семьи, всё равно это были дары. Музей не был государственным учреждением. Государственным он стал только в 1917 году.

Современных меценатов Румянцевского музея нет, поскольку с 1925 года он не существует.

Ульяна Ким, медиапроект «Великая эпоха»: Спасибо за работу, которую вы делаете, и тот размах, который вы придаёте этому проекту. Но, как я понимаю, он всё-таки направлен большей частью на москвичей. А можно ли расширить границы этой выставки и сделать её доступной в интернете, чтобы вся Россия могла посмотреть? Какая работа делается в этом направлении?

И.о. генерального директора Российской государственной библиотеки Владимир Гнездилов: Мы как раз сейчас работаем над этой темой. Хотим сделать виртуальный вариант этой выставки и сделать эту лекцию частью электронной библиотеки РГБ, доступной через интернет повсюду. Так что многие будут иметь возможность ознакомиться с этими экспонатами и с нашей экспозицией.

Александра Колымагина, газета «Кифа»: Мне хотелось бы в связи с тем, что вы рассказывали о перспективах, спросить ещё об одной вещи. Вы говорили о газетах, включённых в экспозицию, но они не могут быть, на мой взгляд, вполне достоверным источником, потому что если мы вспомним «Красное колесо», то поймём, что уже с февраля радикаль-

ные силы, прежде всего большевики, могли разбрасывать типографские наборы, давить на работников типографий. А после октября постепенно закрылись практически все газеты, кроме социалистических. Я читаю небольшой курс «Религия и СМИ», и мои студенты всегда бывают просто потрясены, когда я им показываю, как изменяется список религиозных изданий разного направления. Даже в войну, в 1916 году, это более ста наименований. А к 1921 году их становится три, и только на окраинах, куда ещё не дошла Красная армия, на Севере и в Туркестане. Потом и их не стало. На какое-то время мигнуло несколько обновлённых изданий, а потом, пока после отмены антицерковных законов в 1989 году вновь не начала возникать религиозная пресса, был один лишь Журнал Московской Патриархии, и то периодами (с 1931 по 1935 год, а потом с 1943-го). Есть ли у вас на выставке какие-нибудь диаграммы, графики, которые иллюстрировали бы вот это сужение возможностей с каждым месяцем и годом, показывали, из какой дыры приходилось спасать наследие русской культуры?

Наталья Самойленко: Конечно, у нас будут схемы, инфографика, которые покажут, что произошло с Румянцевским музеем.

Кроме того, мы понимаем, что делаем выставку для людей разных поколений. Для кого-то события семнадцатого года, благодаря старому воспитанию и образованию, понятны, а для кого-то их надо просто «раскладывать по полочкам». Поэтому у нас сделана «линия времени». Она зрительно со вместит события, которые происходили в стране, события, которые происходили в Москве, и события, которые происходили в Румянцевском музее. Мы делаем выставку действительно максимально понятной для самой широкой публики. При этом, естественно, опираемся на артефакты. Нам очень хочется, чтобы у людей внимание было сосредоточено на раритетах, но чтобы одновременно они могли с нашей помощью в этих раритетах разобраться. **КФ**

Август 1917: последний рубеж Корниловское выступление

Александра Колымагина

События конца августа кажутся мне одними из самых тяжёлых даже в страшной череде событий 1917 года¹. Может быть, потому что это, по признанию многих исследователей, была одна из последних «точек бифуркации»: возможность спасения страны промелькнула перед глазами и исчезла.

В справочных сайтах интернета они, в отличие от некоторых других событий истории 1917 года, освещаются сравнительно точно, и в википедии называются «Корниловское выступление», причём далее следует пояснение: «в советской историографии – “Корни-

ловский мятеж”».

Но изложение тех же событий, скажем, в учебниках истории (кажется, уже «единых») остаётся практически тем же советским: «В августе в Москве было созвано Государственное совещание, ставящее целью мобилизацию всех общественных сил на преодоление социально-политического кризиса. На совещании была сформулирована программа действий, включающая доведение войны до победного конца. Воодушевлённый поддержкой депутатов, Корнилов не медля двинул на Петроград части конного корпуса. Это было расценено как попытка государ-

ственного переворота и установления военной диктатуры. Керенский объявил об отстранении мятежного генерала от должности главнокомандующего... Керенский обратился за поддержкой к созданному Советами Комитету народной борьбы с контрреволюцией. Поднятые Комитетом воинские части выступили против Корнилова. Из рабочих формировались отряды Красной гвардии...»²

Мы постараемся сделать обзор разных версий происшедшего. То, что рассказывают свидетели, в любом случае не совпадает с картинкой из учебника.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Август 1917 года был отмечен прежде всего открытием Поместного собора (о нём мы рассказываем в центральной статье номера). Но несколько дней перед открытием Собора, с 12 по 15 августа, в Москве проходило и масштабное собрание политических сил: так называемое Московское государственное совещание, на котором присутствовало около 2500 человек, представлявших различные политические течения.

Именно на этом совещании, созванном для того, чтобы обеспечить Временному правительству видимость общенациональной поддержки, премьер-министр Керенский в своём крайне эмоциональном выступлении произнёс те слова, которые мы уже как-то вспоминали: «болезнь государства случайна, и если нужно будет для его спасения – мы душу свою уьём, но государство спасём»³. А если мы будем

¹ Гораздо более выразительно об этом пишет философ Фёдор Степун: «Если верно, что сущность трагедии заключается в том, что добро и зло, жизнь и смерть вырастают из одного корня, то ничего более трагического, чем “заговор” Корнилова, представить себе невозможно» (все цитаты Ф. Степуна – из книги «Бывшее и несбывшееся»).

² Волобуев О.В., Карпачёв С.П., Романов П.Н. История России. Начало XX – начало XXI в. 10 класс. Учебник. – М.: Дрофа, 2016. С. 39.

³ Напоминаем, что А.Ф. Керенский скончался в Нью-Йорке в 1970 году, через 53 года после гибели Российской империи.

захлестнуты волной распада, то прежде чем погибнуть – скажем об этом стране».

Выступил на совещании и генерал Корнилов, назначенный 19 июля Верховным главнокомандующим. За неполный месяц, прошедший с этого времени, он упорно добивался от Временного правительства одобрения мер, предложенных им для предотвращения окончательного развала страны. Главными среди них были возвращение власти в армии от комитетов и собраний к офицерам и возвращение смертной казни за наиболее тяжёлые преступления не только на фронте⁴, но и в тылу (прежде всего на военных заводах и железных дорогах). Вот фрагмент выступления Корнилова, объясняющий степень его тревоги: «В наследие от старого режима свободная Россия получила Армию, в организации которой были, конечно, крупные недочёты. Тем не менее, эта Армия была боеспособной, стройной и готовой к самопожертвованию. Целым рядом законодательных мер, проведённых после переворота людьми, чуждыми духу и пониманию Армии, эта Армия была превращена в безумнейшую толпу, дорожащую исключительно своей жизнью... Армия должна быть восстановлена во что бы то ни стало, ибо без восстановленной Армии нет свободной России, нет спасения Родины». В выступлении были поимённо названы пятеро офицеров, убитых солдатами с начала августа. Диагноз Корнилова подтверждали и многие не упомянутые им, но характерные для того времени события⁵. При словах Корнилова о том, что на его докладе правительству с обоснованием необходимости срочных мер «без всяких оговорок подписались управляющий военным министерством Савинков и комиссар при Верховном Главнокомандующем Филоненко»,

раздались возгласы «Браво!». Несмотря на то, что Керенского покоробило и само выступление Корнилова, вышедшее за рамки чисто армейских проблем, и та шумная поддержка, которая встретила генерала в Москве⁶, между ними продолжилось взаимодействие, во многом поддерживаемое усилиями Бориса Савинкова.

Между тем и на фронте, и в тылу продолжалось катастрофическое развитие событий.

В дни Московского совещания (так и не приведшего к консолидации политических сил) и сразу после него произошла серия аварий на оборонных заводах: 11 августа на Малой Охте в Петрограде сгорело четыре завода с большими запасами снарядов, 14 августа начался страшный пожар пороховых складов в Казани (на казанских складах, по оценке историков, сгорело до 12 тысяч пулемётов и около одного миллиона снарядов), 16 августа сгорел петроградский снарядный и тормозной завод Вестингауза, 18 августа загорелась Прохоровская мануфактура в Москве⁷.

20 августа русской армией была оставлена Рига (при нашем численном перевесе). Отступление, так же как и в июле, стало беспорядочным бегством.

Между тем большевики, казалось бы разгромленные в начале июля, везде вновь набирали влияние и силу, прежде всего в советах. В Манифесте 6-го съезда большевиков, прошедшего в Петрограде с 26 июля по 3 августа (одни эти даты показывают, насколько условно июльское «поражение» большевиков) было провозглашено: «июльские дни открыли новую страницу; работают подземные силы⁸ истории».

В целом же о положении страны можно судить даже по такому краткому отрывку из солженицынского «конспекта»: «На муниципальных выборах большевики срывают избира-

⁴ Смертная казнь, отменённая 12 марта 1917 года, была восстановлена 12 июля (только на фронте) за измену, побег к неприятелю, уклонение от участия в бою, подстрекательство к сдаче, насильственные действия против начальников из офицеров и из солдат, восстание и тяжкие преступления (убийство, изнасилование). Случаи приговоров были очень немногочисленны, хотя осудить по этому закону можно было бы огромное количество военнослужащих.

⁵ Так, например, 30 июля при гибели в Ботническом заливе эсминца «Лейтенант Бураков» дежурная рота экипажа в Або (ныне Турку) отказалась подняться по тревоге и спасти утопающих, ибо команда тревоги была подана не ротным комитетом, а

офицерами.

⁶ От вокзала до автомобиля толпа несла Корнилова на руках.

⁷ В 1914 году Трёхгорная мануфактура значительную часть своего производства направила на нужды военного времени.

⁸ Откровенное, хотя и неосознанное, признание духовных оснований большевизма: хтонические (подземные) силы во многих религиях и мифологиях – злобные силы, связанные с мистикой смерти.

⁹ Совсем недавно именно Фёдор Линде участвовал в создании «Приказа № 1» и спровоцировал во время апрельского кризиса Финляндский батальон выйти с протестами к зданию Временного правительства.

После пожара порохового завода в Казани 14–15 августа 1917 года

тельные собрания кадетов, травят их как контрреволюционеров, царистов, черносотенцев, насилия над кадетами до убийств (Егорьевск). Июльское поражение большевиков сказалось только в столицах, а в провинции – разгул их. В малых поселениях люди измучились без власти, на ночь кладут под подушку топоры, везде грабежи и убийства... Волнения в коломенском гарнизоне. В Серпухове разгром пивных складов, город на военном положении. Бунт крестьян в усадьбе Вяземских Лотарёво; кн. Борис (Вяземский. – Ред.) отвезён на ст. Грязи, там растерзан солдатами и доколот собственным конюхом. На Юго-Западном фронте комиссар Линде⁹ убит разъярёнными солдатами».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

И Керенский, и Корнилов, и Савинков были согласны с тем, что необходимо принятие каких-то спасительных мер. Чтобы понять дальнейшее, стоит дать каждому из них (и ещё одному человеку) хотя бы краткую характеристику.

Верховный главнокомандующий генерал Корнилов – по свидетельству

большинства знающих его людей, человек мужественный, прямой и безукоризненно честный. Определённых политических взглядов не придерживался, ни в какой из партий не состоял (кадеты встречались с ним во время Московского совещания и обещали поддержку, не имея в виду ничего серьёзного и определённого). Не знаком с политической «кухней».

Премьер-министр Временного правительства Керенский

– эмоциональный, артистичный, прекрасный оратор, всё более и более боящийся выпустить из рук власть. С марта 1917 года позиционирует себя как эсер (до этого – лидер фракции трудовиков).

Товарищ военного министра, управляющий военным министерством Борис Савинков

– мужественный и даже бесшабашный человек, в прошлом глава боевой организации эсеров, террорист, ныне находящийся в сложных отношениях и со своей партией (которая вызывала его на разбирательство в связи с его государственной деятельностью), и с презируемыми им советами¹⁰.

И ещё один персонаж: бывший в первых двух составах Временного правительства обер-прокурор В.Н. Львов

неуравновешенный (по некоторым свидетельствам, даже истеричный), неадекватный, авторитарный, взбешённый тем, что в третьем составе Временного правительства на посту обер-прокурора¹¹ его сменил более сдержанный и адекватный А.В. Карта-

шёв. Никакого другого места Львову не подыскали¹².

СОБЫТИЯ ДО ТОЧКИ ПЕРЕЛОМА

20 августа

Керенский по докладу Савинкова согласился на «объявление Петрограда и его окрестностей на военном положении и на прибытие в Петроград военного корпуса для реального осуществления этого положения, то есть для борьбы с большевиками».

21 августа

Временное правительство утвердило решение о выделении Петроградского военного округа в прямое подчинение Ставки. Предполагалось, что как военная, так и гражданская власть в округе будет принадлежать Корнилову, однако сам Петроград останется в ведении правительства. Из надёжных частей предполагалось сформировать Особую армию в непосредственном распоряжении правительства. Савинков при этом назначался генерал-губернатором Петрограда.

22 августа

В.Н. Львов от имени прокорниловских сил (не имея на это никаких полномочий) предложил Керенскому сформировать новое правительство¹³. Это испугало и насторожило Керенского, и он согласился на поездку Львова в Ставку с обсуждением этого предложения (не давая ему никаких официальных полномочий – но Львов этого или не понял, или не захотел понять).

В этот же день (в некоторых источниках 23-го, в воспоминаниях ген. Деникина – 24-го) по указанию Керенского в Ставку прибыл Савинков. Согласовав с Корниловым ряд вопросов в связи с предполагаемым

введением твёрдой власти, вечером 24-го Савинков уехал в Петроград.

24 августа (возможно, 25-го)

В Ставку приехал В.Н. Львов, и Корнилов беседовал с ним, уверенный, что тот послан Керенским. Как пишет в одном из наиболее точных исторических исследований, посвященных «Делу Корнилова», историк Г.М. Катков, «сообщения о том, что было сказано при встрече Львова и Корнилова, сильно разнятся между собой»¹⁴. Со слов Корнилова и его ближайших сотрудников, на вопрос Львова, каковы пути создания твёрдой власти – диктаторство самого Керенского, диктаторство Совета Обороны, 3–4 лиц, включая Корнилова, или диктаторство одного Верховного главнокомандующего, Корнилов ответил: чтобы спасти страну, согласен на любой из вариантов. По воспоминаниям Львова и Керенского, Корнилов предложил лишь сосредоточение власти Верховного главнокомандующего и министра-председателя в одних (своих) руках до Учредительного Собрания, заявляя о готовности передать Керенскому портфель министра юстиции, а Савинкову – военного министра. Все источники согласны в том, что Корнилов также просил Львова позвать Керенского и Савинкова в Ставку, чтобы обеспечить их личную безопасность.

24–25 августа в Кронштадте и Сестрорецке проходили усиленные митинги, устраиваемые большевиками, с призывами выступить на улицы Петрограда¹⁵.

25 августа

Корнилов выдвинул 3-й корпус под командованием Крымова¹⁶ и Дикую дивизию, а также кавалерийский

¹⁰ По воспоминаниям Фёдора Степуна, «я настойчиво убеждал его не бравировать во всеуслышание своим презрением к «Совету рачьих, собачьих и курычьих депутатов», как он называл Центрально-исполнительный комитет совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Но все мои доводы не производили на Бориса Викторовича ни малейшего впечатления».

¹¹ Вскоре этот пост стал называться «министр исповеданий».

¹² По свидетельству одного из министров, М. Терещенко, Львов прямо говорил, что «Керенский ему теперь смертельный враг».

¹³ Предположения о мотивах Львова крайне разнообразны: кто-то считает, что он просто не понимал, что делает, кто-то предполагает, что это могла быть изощрённая месть Керенскому или надежда снова стать министром. Стоит сказать, что впоследствии В.Н. Львов был одним из деятелей обновления.

¹⁴ «Во-первых, есть очень лаконичный отчёт в письменных показаниях Корнилова. Второй вариант – мнение Керенского – можно извлечь из протоколов Следственной комиссии.

Третий – переработанный текст подлинных показаний Львова Следственной комиссии в 1917 году. Четвёртый вариант, хронологически последний, изложен в статьях Львова в «Последних Новостях».

Серия «Исследования новейшей русской истории», под общей редакцией А.И. Солженицына. Выпуск 5. Москва, издательство «Русский путь», 2002 г.

¹⁵ О том, что большевики готовят новое вооружённое выступление между 28 августа и 2 сентября, Ставке уже было известно от сотрудников контрразведки. Во многом с этим и были связаны все предпринимаемые меры.

¹⁶ Керенский и Савинков просили не посылать с войсками Крымова, известного своими монархическими убеждениями и жёсткостью. Тем не менее Корнилов, формально назначив командующим 3-м конным корпусом ген. Краснова, послал к Петрограду именно Крымова. Некоторые историки считают, что страх Керенского перед Крымовым также сыграл свою роль в дальнейшем развитии событий.

корпус Долгорукова на Петроград¹⁷. Это произошло по итогам разговора с товарищем военного министра Савинковым. Таким образом, движение корниловских войск на Петроград началось абсолютно легально.

Вечером 25 августа Выборгский комитет большевиков, узнав о движении 3-го корпуса на Петроград, отменил вооруженное выступление.

26 августа

За несколько часов до заседания Временного правительства, на котором окончательно должны были быть одобрены все детали плана по введению военного положения в Петрограде В.Н. Львов встретился с Керенским и передал ему разговор с Корниловым (скорее всего, в очень искажённом виде).

ТОЧКА ПЕРЕЛОМА

Причины того, что произошло вечером 26 августа в Петрограде, разные люди оценивают очень по-разному.

Милюков вспоминает, что Керенский в этот день «потерял способность спокойной и холодной оценки», а его душевное состояние, подготовленное долгими месяцами подозрений и страха, представляло собой «совершенно клиническую картину». (Что неудивительно: ему предстояло наконец открыто и решительно выступить против большевиков).

Вот что говорит Солженицын: «Озарение и драматическое сальто Керенского: спасен! теперь можно не подписывать твёрдых мер, а за все промахи Временного правительства расплатится Корнилов!»

Вот что с возмущением пишет в своих воспоминаниях полковник М.Н. Левитов¹⁸: «Выслушав Львова, Керенский вдруг вообразил, что он наконец раскрыл “корниловский заговор” (от себя добавлю словами личного моего впечатления, полученного в эти дни мной от картины происшедшего тогда в Петрограде: точнее – Керен-

ский тогда не “ВООБРАЗИЛ”, а “СООБРАЗИЛ”, что настал момент, когда он движение конного корпуса генерала Крымова может объявить выступлением Генерала Корнилова против Временного правительства)».

Фёдор Степун, в июле-августе 1917-го бывший одним из сотрудников Б. Савинкова, считает, что не соответствовавшая действительности мысль Керенского о заговоре была последним выражением психологического напряжения между ним и Корниловым: «Ни Керенскому, ни Корнилову не удалось преодолеть прежде всего в самих себе той давней вражды между обществом и армией, к преодолению которой оба искренне стремились и в преодолении которой заключался главный смысл их исторической встречи...»

Конечно, ради справедливости стоило бы здесь привести воспоминания самого Керенского о причинах произошедшего. «Исчезли у меня последние сомнения!.. Всё, всё осветилось сразу таким ярким светом, слилось в одну цельную картину. Двойная игра сделалась очевидной...» (стоит заметить, что представление о двойной игре резко противоречит всему, что хорошо известно о характере Корнилова).

Керенский позвонил в Ставку, ложно изображая, что присутствует и В. Львов: подтверждает ли Корнилов то, что передал через Львова? (не поясняя, о чём речь: а это значит, Корнилов мог думать об одном предложении, а Керенский иметь в виду другое). Корнилов, не проверяя о чём речь, простодушно подтвердил «то, что передал через Львова» и вновь позвал Керенского и Савинкова в Ставку. Керенский обещал приехать (чтобы «усыпить бдительность Корнилова»).

После протоколирования показаний Львов был немедленно арестован.

Керенский пересказал на заседании Временного правительства свой разговор со Львовым и потребовал диктаторских полномочий в ответ на «за-

говор» и «мятеж». Министры-кадеты не согласились на это, часть министров подала в отставку¹⁹. К концу ночи, без ведома Временного правительства, Керенский единолично телеграммой в Могилёв (без регистрации в правительстве по форме, без скрепляющей подписи) отрешил Корнилова от должности Верховного главнокомандующего (что, к слову, был не вправе делать единолично).

ПОСЛЕ ТОЧКИ ПЕРЕЛОМА

27 августа

Полученная в Ставке рано утром и совершенно неожиданная для Корнилова телеграмма без номера, подписанная просто «Керенский», сначала была принята за фальшивку. Корнилов только что отправил Керенскому телеграмму с сообщением, что корпус Крымова будет в Петрограде 28-го, и просьбой ввести военное положение 29-го. Между тем в газетах уже было опубликовано заявление Керенского, где говорится о «попытке» Корнилова «посягнуть на верховную власть»²⁰. Корнилов категорически отказался сдать должность Верховного главнокомандующего, а начальник его штаба генерал Лукомский отказался принять её и на требование остановить движение Крымова телеграфировал Керенскому: «остановить начавшееся с Вашего же одобрения дело невозможно».

Керенский разослал по фронтам, по войсковым инстанциям распоряжение: «не выполнять приказов изменившего родине Корнилова!», по железным дорогам: «Не пропускать воинских эшелонов на Петроград, разбирать пути, устраивать крушения».

28 августа

Корнилов был формально, то есть указом, объявлен мятежником и изменником. В этом указе говорилось также об отчислении от должностей и предании суду «за мятеж» не только его лично, но и его сподвижников.

¹⁷ Перед частями стояла задача в случае получения от Корнилова или непосредственно на месте сведений о начале выступления большевиков занять город, обезоружить части петроградского гарнизона, которые примкнули к движению большевиков, обезоружить население Петрограда и разогнать советы.

¹⁸ М.Н. Левитов (1893–1982, Париж) – участник Белого движения на Юге России, командир 2-го Корниловского полка. Автор книг по истории Корниловского полка (первого добровольческого полка, созданного летом 1917 года).

¹⁹ Отставка министров – один из существенных пунктов разночтения между источниками. В части из них дословно повторяется утверждение «25 августа подали в отставку министры-кадеты – это было частью заранее задуманного корниловцами плана». Однако в мемуарах участников событий отставка по причине несогласия оценивать выступление Корнилова как мятеж датируется вечером 26-го или позднее.

²⁰ Фрагменты этой телеграммы приводятся в сноске на с. 32.

Заключённые тюрьмы в Быхове: генералы Корнилов, Деникин, Лукомский, Марков, Романовский и другие офицеры, поддерживавшие Корнилова

Известна реакция бывшего императора на сообщения газет об «измене Корнилова»: он с горечью сказал: «Это Корнилов-то изменник?»

Савинков был назначен военным генерал-губернатором Петрограда²¹. Керенский попытался назначить Верховным главнокомандующим Командующего Северным фронтом ген. Клембовского, но Клембовский, так же как накануне Лукомский, уклонился от назначения.

Корнилов разослал по армейским линиям и по радио несколько обращений²². Но его телеграммы застревали, а приказы по армии достигали лишь фронтовых штабов, но даже не всех армейских.

Большевицкая военная организация отправила агитаторов во все казармы. По городу были развешаны плакаты: «Смертная казнь врагу народа Корнилову!», «Изменник России Корнилов хочет отнять завоеванные права рабочих и крестьян». Создавались «летучие отряды для задержания контрреволюционных агитаторов». В милицейские комиссариаты тащили десятки арестованных, – тех, кто высказал сочувствие Корнилову. Тем временем предварительно засланные Ставкой в Петроград офицерские группы бездействовали²³.

²¹ Всего через два дня он был отставлен с этой должности.

²² Некоторые из них мы опубликовали на с. 32.

²³ По воспоминаниям Путилова, который предлагал Корнилову денежную помощь, офицеры пьянствовали на переданные им деньги и, не стесняясь присутствием прислуги, обсуждали свои планы.

²⁴ Были и другие предложения посредничества, но Керенский не согласился ни на одно из них.

Крымов южнее Луги оказался отрезанным от распоряжений Ставки, от других своих эшелонов. Телеграфисты перехватывали все телеграммы Ставки. Корнилов потерял управление армией и не мог посылать на фронты и очередные оперативные указания.

Керенский отклонил предложенное ему посредничество Милюкова²⁴. Отклонил и советы оставшихся министров передать премьерство ген. Алексееву: «Власть я отдать не могу».

Революционные комитеты в Бердичеве арестовали генералов Деникина, Маркова и др. с глумлением и бесчинствами.

Петроградские агитаторы достигли Луги и разъяснили казакам Крымова: в Петрограде нет никаких большевицких бунтов, а Корнилов пошёл против законной власти. Исполнительный комитет союза мусульманских советов в Петрограде с поощрения Керенского послал делегацию агитировать полки Туземной дивизии.

29 августа

В ночь на 29-е прошли повальные обыски в офицерской гостинице «Астория», аресты. «Новое время» было закрыто за напечатание корниловского воззвания. Продвижение войск корниловцев оказалось остановлено на участке Вырица–Павловск, где противники Корнилова разобрали железнодорожное полотно.

В военных частях начались стихийные аресты офицеров; если Верховный – изменник России, то что ж ненавистные офицеры?

Генерал Алексеев, которого Керенский уже два дня уговаривал принять пост Верховного главнокомандующего, после тяжёлых колебаний и ввиду угрозы, что иначе назначат ген. Черемисова²⁵ и тот расстреляет корниловцев, согласился стать только начальником штаба при Верховном и только при условии мирного разрешения конфликта с Корниловым.

30 августа

Керенский назначил себя Верхов-

ным главнокомандующим (оставив за собой должность премьер-министра).

Генерал Алексеев из Петрограда по прямому проводу объяснил Корнилову своё решение принять пост, а также положение в стране, в армии и с корпусом Крымова. Корнилов согласился на сдачу командования при условиях твёрдых гарантий спасения страны.

Весь день шло братание между отрядами Временного правительства и Крымова. Улицы Петрограда были полны отрядами и толпами вооружённых рабочих, опьянённых победой без боя.

31 августа

Крымов приехал в Петроград и после разговора с Керенским²⁶, отправив Корнилову предсмертное письмо²⁷ с одним из офицеров, застрелился в канцелярии военного министра²⁸.

1 сентября

Корнилов в Могилёве простился с Корниловским полком, созданным в летних боях.

Весь день продолжалось непрерывное давление со стороны Керенского на приехавшего в Ставку ген. Алексеева: необходимо, чтобы Корнилов и его соучастники были арестованы немедленно. Советы бушуют; необходимо сейчас же дать сведения в газеты, чтобы утром об аресте узнала вся организованная демократия!

Убеждённый Алексеевым, уверенный в своей правоте и потому не боящийся суда, Корнилов к 10 часам вечера дал себя арестовать. Были арестованы также ген. Лукомский и старшие чины Ставки. Был разогнан Союз офицеров, а его главный комитет арестован. По армии вновь прокатилась волна расправ с офицерами.

Никто не сомневается, что именно провал корниловского выступления окончательно открыл большевикам путь к власти. Керенский же, не поверив (или сделав вид, что не поверил) генералу Корнилову, подписал себе этим политический приговор. ☒

²⁵ Черемисов вскоре открыто перешёл к большевикам.

²⁶ По слухам, Керенский кричал, что сорвёт с него эполеты; Крымов ответил: «Не ты, мальчишка, мне их дал, не ты сорвёшь».

²⁷ Это письмо не сохранилось, но говорят, что там было написано: «Россия погибла. Незачем жить».

²⁸ Он умер не сразу – в Николаевском военном госпитале под издевательства фельдшеров и санитаров.

Лавр Георгиевич Корнилов
(18 августа 1870,
Усть-Каменогорск –
31 марта (13 апреля) 1918,
Екатеринодар) –

Военный разведчик, дипломат и путешественник-исследователь. Герой Русско-японской и Первой мировой войн. Верховный главнокомандующий Русской армии. Участник Гражданской войны, один из организаторов и Главнокомандующих Добровольческой армии, руководителей Белого движения на Юге России, первопоходник.

О детстве Корнилова существует противоречивая информация (как минимум три версии), однако достоверно известно, что летом 1883 года в возрасте тринадцати лет он был зачислен в Сибирский кадетский корпус в городе Омске. Трудолюбивый и способный Корнилов очень скоро стал одним из лучших учеников корпуса. В заключительной аттестации говорилось: «скромнен, откровенен, правдив (интересно, а сейчас хоть в одной из наших школ пишут такие аттестации?? – Ред.). Трудолюбив и постоянно с охотой помогает товарищам в занятиях. Серьёзен. Послушен и строго исполнителен. К родным относится с любовью и часто пишет им письма. Со старшими почтителен и приветлив. Товарищами очень любим и оказывает на них доброе влияние...»

Сдав на отлично выпускные экзамены, он получил право выбора военного училища для дальнейшего обучения и выбрал Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. Должен был сам зарабатывать себе на жизнь, давал уроки математики и писал статьи по зоогеографии; из заработанных денег умудрялся даже помогать своим престарелым родителям. В ноябре 1891 года на последнем курсе училища Корнилов получил звание портупей-юнкера. Перед ним открывалась перспектива службы в гвардии или в столичном военном округе, однако молодой офицер выбрал Туркестанский военный округ.

Через несколько лет, в 1895

году, блестяще сдав вступительные экзамены, он был зачислен в слушатели Николаевской академии Генерального штаба и через два года окончил её с малой серебряной медалью; вновь отказался от места в Петербурге и выбрал службу в Туркестанском военном округе.

С риском для жизни, переодевшись туркменом, Корнилов провёл рекогносцировку британской крепости Дейдади в Афганистане; совершил ряд длительных исследовательских и разведывательных экспедиций в Восточном Туркестане (Кашгарии), Афганистане и Персии. Кроме обязательных для выпускника Генерального штаба немецкого и французского языков, он хорошо овладел английским, персидским, казахским, монгольским, калмыцким и урду. С ноября 1903 по июнь 1904 года находился в Индии.

29 ноября 1906 года был избран действительным членом Императорского Русского географического общества.

Во время японской войны при отступлении от Мукдена, прикрывая отход армии и находясь с бригадой в арьергарде, Корнилов штыковой атакой прорвал окружение и вывел свою уже считавшуюся уничтоженной бригаду с приданными ей частями, с ранеными и знамёнами.

В 1907–1911 годах служил военным агентом в Китае. Совершил путешествие по Западной Монголии и Кашгарии. Деятельность Корнилова-дипломата этого периода была высоко оценена не только на Родине, где он получил орден Святой Анны 2-й степени и другие награды, но и дипломатами Британии, Франции, Японии и Германии.

Во время Первой мировой войны он был назначен командиром 48-й пехотной дивизии. Солдаты Корнилова очень любили: командир относился с большим вниманием к их быту, требовал отеческого отношения к нижним чинам, поощрял инициативность, но требовал чёткого исполнения приказов. Генерал Деникин, чьи части во время Брусиловского прорыва

наступали рука об руку с частями генерала Корнилова, так впоследствии характеризовал своего будущего сподвижника и единомышленника: «Тогда уже совершенно ясно определились для меня главные черты Корнилова-военачальника: большое умение воспитывать войска; решимость и крайнее упорство в ведении самой тяжёлой, казалось, обречённой операции; необычайная личная храбрость, которая страшно импонировала войскам и создавала ему среди них большую популярность; наконец, – высокое соблюдение военной этики в отношении соседних частей и соратников, – свойство, против которого часто грешили и начальники, и войсковые части».

В апреле 1915 года, прикрывая отступление Брусилова из-за Карпат силами одной своей «Стальной» дивизии, генерал Корнилов, взявший на себя в момент гибели дивизии личное командование одним из батальонов, был дважды ранен в руку и ногу и в числе всего лишь 7 уцелевших бойцов батальона, в течение четырёх суток до конца пытавшихся прорваться к своим, в итоге (после упорного штыкового боя) попал в австрийский плен и был помещён в лагерь для высших офицеров неподалеку от Вены. Залечив раны, он пытался бежать, но две первые попытки побега закончились неудачей; он смог бежать из плена лишь в июле 1916 года.

2 марта 1917 года на первом заседании Временного правительства Корнилов был назначен на пост Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа (к слову, это назначение планировалось ещё императором Николаем II и уже было утверждено в Ставке). Не найдя возможности договориться с представителями Совета и найти общий язык с солдатами Петроградского гарнизона, в конце апреля 1917 года Корнилов отказался от этой должности, «не считая возможным для себя быть невольным свидетелем и участником разрушения армии... Советом рабочих и солдатских депутатов»; в

связи с подготовкой летнего наступления его перевели на Юго-Западный фронт командующим 8-й армией – ударной армией фронта, которая под его начальством добилась впечатляющих успехов в ходе июньского наступления.

После неудачи августовского выступления Корнилов был 1 сентября заключён в тюрьму в Быхове. Выпущен по распоряжению ген. Духонина 20 ноября, за день до приезда назначенного Совнаркомом главнокомандующим Николаем Крыленко. Через месяц прибыл в Новочеркасск. Разными путями и другие быховские узники прибыли на Дон, где приступили к формированию Добровольческой армии. Главнокомандующим армии стал Корнилов.

9 (22) февраля 1918 года Добровольческая армия выступила в Первый Кубанский («Ледовый») поход. 31 марта (13 апреля) 1918 года Корнилов был убит при штурме Екатеринодара. Неприятельская граната попала в дом только одна, только в комнату Корнилова, и убила только его одного. Гроб с телом Корнилова был тайно захоронен (причём могилу сровняли с землёй) при отступлении через немецкую колонию Гначбау. На следующий день, 3 (16) апреля 1918 года, большевики, занявшие Гначбау, первым делом бросились искать якобы «зарытые кадетами кассы и драгоценности» и случайно отрыли могилу. Тело генерала Корнилова отвезли в Екатеринодар (ныне Краснодар) и с глумлением сожгли. **КФ**

«Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час её кончины»

Обращения генерала Корнилова к народу (28 августа 1917 года), почти нигде в то время не опубликованные и не получившие широкого распространения

Телеграмма министра-председателя за № 4163¹ во всей своей первой части является сплошной ложью: не я послал члена Государственной думы В. Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне, как посланец министра-председателя, тому свидетель член Государственной думы Алексей Аладын.

Таким образом, свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу Отечества.

Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час её кончины.

Вынужденный выступить открыто – я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большинства советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри.

Тяжёлое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у

кого бьётся в груди русское сердце, все, кто верит в Бога – в храмы, молитесь Господа Бога об явлении величайшего чуда спасения родимой земли.

Я, генерал Корнилов, – сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ – путём победы над врагом до Учредительного Собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни.

Предать же Россию в руки её исконного врага – германского племени и сделать русский народ рабами немцев – я не в силах. И предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли.

Русский народ, в твоих руках жизнь твоей родины?²

Я, Верховный главнокомандующий генерал Корнилов перед лицом всего народа объявляю, что долг солдата, самопожертвование гражданина Свободной России и беззаветная любовь к Родине заставили меня в эти грозные минуты бытия

Отечества не подчиниться приказанию Временного Правительства и оставить за собою Верховное Командование народными армиями и флотом.

Поддержанный в этом решении всеми Главнокомандующими фронтами, я заявляю всему Народу Русскому, что предпочитаю смерть устранению меня от должности Верховного.

Истинный сын Народа Русского всегда погибает на своём посту и несёт в жертву Родине самое большое, что он имеет – свою жизнь.

В эти поистине ужасающие минуты существования Отечества, когда подступы к обеим столицам почти открыты для победного шествия торжествующего врага, Временное Правительство, забывая великий вопрос самого независимого существования страны, кидает в народ призрачный страх контрреволюции, которую оно само своим неумением к управлению, своею нерешительностью в действиях вызывает к скорейшему воплощению.

Не мне – кровному сыну своего народа, всю жизнь свою на глазах всех отдавшего

на беззаветное служение ему, не стоять на страже великих свобод, великого будущего своего народа.

Но ныне будущее это в слабых безвольных руках: надменный враг, посредством подкупа и предательства распоряжающийся у нас в стране, как у себя дома, несёт гибель не только свободе, но существованию Народа Русского.

Очнитесь, люди русские, от безумия ослепления и вглядитесь в бездонную пропасть, куда стремительно идёт наша Родина.

Избегая всяких потрясений, предупреждая какое-либо пролитие русской крови в междоусобной брани и забывая все обиды и все оскорбления, я перед лицом всего народа обращаюсь к Временному Правительству и говорю: «Приезжайте ко мне в Ставку, где свобода Ваша и безопасность обеспечена моим честным словом и совместно со мной выработайте и образуйте такой состав Правительства Народной Обороны, который, обеспечивая победу, вёл бы народ русский к великому будущему, достойному могучего свободного народа»³. **КФ**

¹ Вот фрагменты этой телеграммы: «26-го августа ген. Корнилов прислал ко мне члена Гос. Думы Вл. Ник. Львова с требованием передачи Временным правительством ген. Корнилову всей полноты гражданской и военной власти... Действительность полномочий чл. Г. Думы Львова – сделать такое предложение – была подтверждена затем ген. Корниловым при разговоре со мною по прямому проводу. Усматривая в предъявлении этого требования, обращённого в моём лице к Временному правительству, желание некоторых кругов русского общества воспользоваться тяжёлым положением Государства для установления в стране государственного

порядка, противоречащего завоеваниям революции, Временное правительство признало необходимым для спасения родины, свободы и республиканского строя уполномочить меня принять скорые и решительные меры, дабы в корне пресечь все попытки посягнуть на верховную власть в государстве, на завоёванные революцией права граждан. Вместе с тем приказываю: Генералу Корнилову сдать должность Верховного главнокомандующего...»

² Цит. по: Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1991. С. 470.

³ ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 44. Л. 54.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ТЕМА

ФЕСТИВАЛЬ «ПРЕОБРАЖЕНСКИЕ ВСТРЕЧИ»: ВРЕМЯ НОВОЙ СОБОРНОСТИ

Поместный собор 1917–1918 гг. ознаменовал начало новой эпохи в истории Христианства, связанной с возрождением соборности, созиданием христианской общественности, обновлением духа и смысла Евхаристии. Входя в созидательный труд соборян, мы призваны ставить перед собой непростые вопросы: как продолжить прерванную традицию не столько по форме, сколько по духу? какие новые пути созидания соборности открывает нам Господь сегодня? как в первую очередь возродить не деятельность структур, а саму жизнь Божьего народа? Эти и другие вопросы ставит перед собой очередной, уже третий фестиваль «Преображенские встречи». В этом году его тема – «Время новой соборности».

Я дома. Всего два слова, которые вмещают в себя чувство спокойствия и тепло домашнего очага. Иметь свой дом – это нормальное желание каждого человека. Однако почему-то считается, что особенные люди – люди, имеющие серьезные хронические заболевания, которые ограничивают их возможности, – должны жить в специальных учреждениях под постоянным надзором врачей. В следующем номере мы расскажем о проекте настоящего дома для них – «дома на воле»